

Дж. Р. Р.
ТОЛКИН

под редакцией КРИСТОФЕРА ТОЛКИНА

ПАДЕНИЕ
ГОНДОЛИНА



Иллюстрации АЛАНА ЛИ

Джон Толкин

Падение Гондолина

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Толкин Д. Р.

Падение Гондолина / Д. Р. Толкин — «Издательство АСТ», 2018

ISBN 978-5-17-133298-3

Внемлите же Сказанию о Туоре, избраннике Улмо, Владыки Вод, о том, как пала последняя великая эльфийская крепость Гондолин, Град Семи Имен, о доблести и предательстве, о судьбоносных пророчествах и упущенных возможностях... В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-133298-3

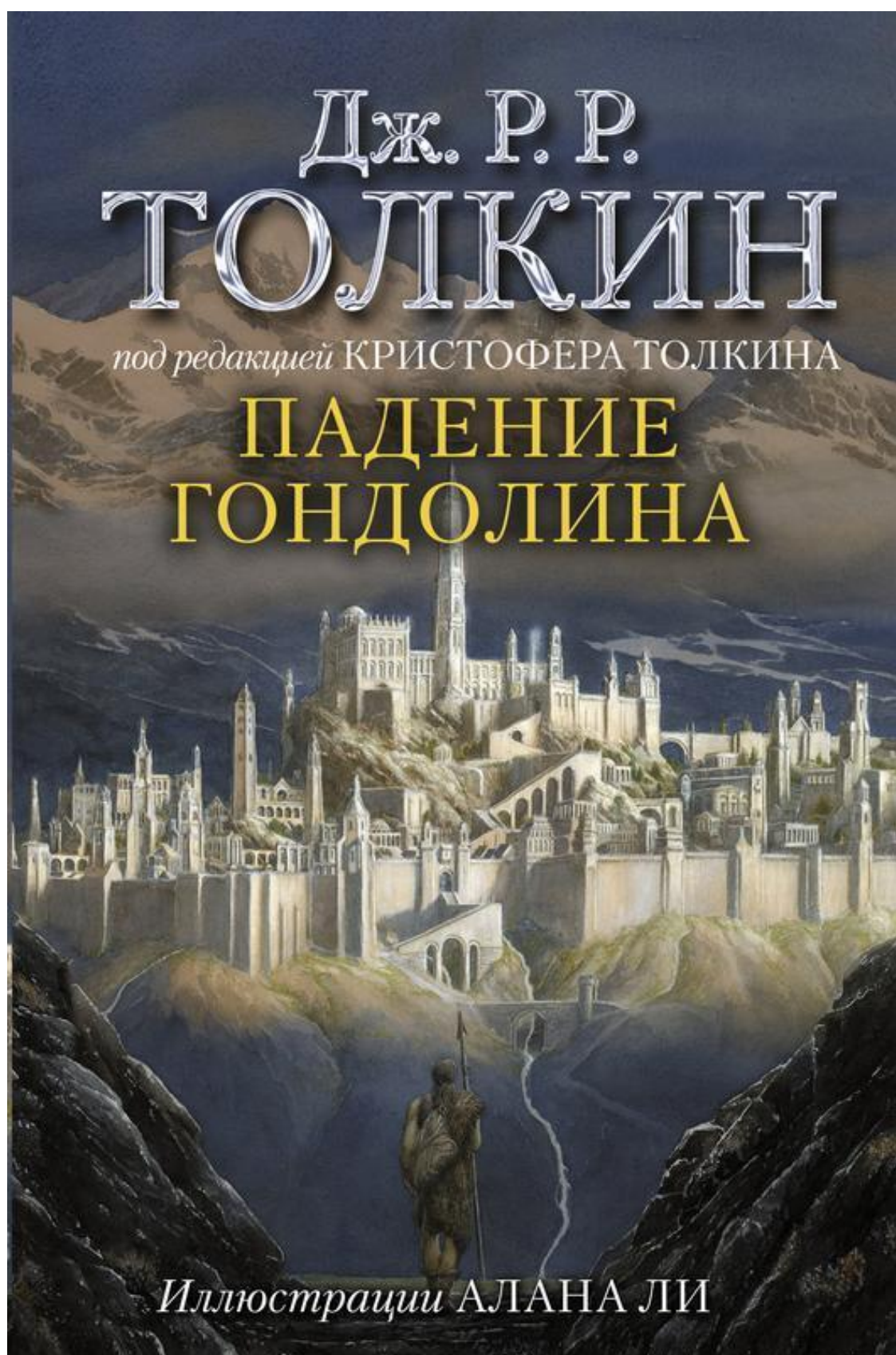
© Толкин Д. Р., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

От переводчика: о передаче имен и названий	9
Цветные вклейки	11
Предисловие	12
Иллюстрации	17
Пролог	18
Сказание о падении Гондолина	28
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Джон Рональд Руэл Толкин
Падение Гондолина



Внемлите же Сказанию о Туоре, избраннике Улмо, Владыки Вод, о том, как пала последняя великая эльфийская крепость Гондолин, Град Семи Имен, о доблести и предательстве, о судьбоносных пророчествах и упущенных возможностях...

Дж. Р. Р.
ТОЛКИН

Под редакцией КРИСТОФЕРА ТОЛКИНА

ПАДЕНИЕ
ГОНДОЛИНА

Иллюстрации Алана Ли



Издательство АСТ
Москва

J.R.R. Tolkien
THE FALL OF GONDOLIN

illustrated by Alan Lee

Originally published in the English language by HarperCollins Publishers Ltd. under the title
The Fall of Gondolin

All texts and materials by J.R.R. Tolkien

© The Tolkien Trust 2018

© Preface, Introductions, Notes and all other materials by C.R. Tolkien, 2018

© Illustrations by Alan Lee, 2018

© Перевод. С. Лихачева, 2021

© Перевод. А. Хромова, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Посвящается моей семье

От переводчика: о передаче имен и названий

Предваряя непосредственно текст, скажем несколько слов о переводческой концепции передачи имен и названий. Транслитерация имен собственных, заимствованных из эльфийских языков, последовательно осуществляется в соответствии с правилами чтения, сформулированными Дж. Р.Р. Толкином в приложении Е к «Властелину Колец» и перенесенными на русскую орфографию. Оговорим лишь несколько наименее самоочевидных и вызывающих наибольшие споры подробностей. Так, в частности:

<L> смягчается между [e], [i] и согласным, а также после [e], [i] на конце слова. Отсюда – Бретиль (*Brethil*), Мелько (*Melko*), но Ульмо (*Ulmo*), Лутиэн (*Luthien*); Эльвэ (*Elwë*), но Олвэ (*Olwë*).

<TH> обозначает глухой звук [θ], <DH> обозначает звонкий [ð]. Эти фонемы не находят достаточно точных соответствий в русском языке и издавна следуют единой орфографической замене через «т» и «д». Мы передаем графическое *th*, *dh* через «т» и «д» соответственно. Например – Тингол (*Thingol*), Маэдрос (*Maedhros*).

<E> обозначает звук, по описанию Толкина примерно соответствующий тому же, что в английском слове *were*, то есть не имеющий абсолютно точного соответствия в русском языке. Попытки использовать букву «э» всюду, где в оригинале имеется звук [e] после твердого согласного, то есть практически везде, представляются неправомерными. Звук [э] русского языка, при том, что он, строго говоря, и не соответствует стопроцентно исходному, будучи передаваем через букву «э», создает комичный эффект имитации «восточного» акцента. Та же самая цель (отсутствие смягчения предшествующего согласного) легко достигается методами, для русского языка куда более гармоничными: в словах, воспринимающихся как заимствования, согласный естественным образом не смягчается и перед «е» (так, в слове «эссе» предпоследний согласный звук однозначно твердый).

В системе транслитерации, принятой для данного издания, в именах и названиях, заимствованных из эльфийских языков, буква «э» используется:

– на конце имен собственных, заимствованных из эльфийских языков (тем самым позволяя отличить эльфийские имена от древнеанглийских): Финвэ (*Finwë*) (но Эльфвине (*Aelfwine*)).

– в начале слова и в дифтонгах (во избежание возникновения звука [j]): Галадриэль (*Galadriel*), Эгнор (*Egnor*).

В большинстве же случаев для передачи пресловутого гласного звука используется буква «е»: Берен (*Beren*), Белерианд (*Beleriand*).

* * *

В языке квенья *ui*, *oi*, *ai*, *iu*, *eu*, *au* – дифтонги (то есть, произносятся как один слог). Все прочие пары гласных (напр. *ëa*, *ëo*) – двусложные. В языке синдарин дифтонги – *ae*, *ai*, *ei*, *oe*, *ui*, *au*.

* * *

Для ряда этнонимов в тексте оригинала используются формы множественного числа, образованные по правилам грамматики соответствующих эльфийских языков (*Noldor*, *Eldar*,

Noldoli), но не правилам английской грамматики. В силу этой причины те же формы мы используем в русском переводе как несклоняемые существительные (*нолдор*, *эльдар*, *нолдоли* и т. д.).

* * *

Согласно правилам постановки ударения в эльфийских именах и названиях, изложенных Дж. Р.Р. Толкином в Приложении Е к «Властелину Колец», ударение в эльфийских языках квенья и синдарин падает на второй от конца слог в двусложных словах (*Нарог*, *Финрод*). В словах с большим количеством слогов ударение падает на второй от конца слог, если этот слог содержит в себе долгий гласный звук, дифтонг или гласный звук, за которым следует два или более согласных (*Калакирья*, *Куивизенен*, *Финголфин*). В противном случае ударение падает на предыдущий, третий от конца слог (*Мелиан*, *Лутиэн*, *Феанор*). В «Списке имен и названий» в конце книги для удобства читателя в эльфийской ономастике проставлены ударения.

Отдельного уточнения заслуживает название *Нарготронд*. Согласно вышеизложенному правилу, в данном случае ударение должно падать на второй от конца слог, поскольку он содержит в себе гласный звук, за которым следует два или более согласных (*Нарготронд*). Однако в поэмах сам автор последовательно ставит ударение на первый слог (*Нарготронд*) – в противном случае нарушалась бы ямбическая метрика стиха.

* * *

Переводчик благодарит М. Артамонову за профессиональные консультации и С. Беякова за содействие в вычитке готового текста.

С. Лихачева

Цветные вклейки

Лебединая гавань

«Они [номы] пытаются захватить лебяжьи корабли в Лебединой гавани, и начинается сражение...» (стр. 39) (см. цветная вклейка 1)

Тургон усиливает стражу

«...и повелел король повсеместно устроить дозор и стражу...» (стр. 70) (см. цветная вклейка 1)

Королевская башня обрушивается

«Се, башня вспыхнула пламенем и пала огненным столпом...» (стр. 101) (см. цветная вклейка 2)

Глорфиндель и балрог

«...тот балрог, что был среди недругов, атакующих с тыла, одним могучим прыжком вскочил на утесы...» (стр. 112) (см. цветная вклейка 2)

Радужная расселина

«Туор направлен был к руслу реки, что текла под землей, затем по гигантскому ущелью, – а вырвавшись оттуда, бурный поток вливался наконец-то в западное море» (стр. 128) (см. цветная вклейка 3)

Гора Тарас

«Но впереди показалась горная гряда, преграждавшая путь; на западе она оканчивалась высоким пиком...» (стр. 164) (см. цветная вклейка 3)

Явление Улмо Туору

«Раздался удар грома, и над морем сверкнула молния...» (стр. 170) (см. цветная вклейка 4)

Орфалх Эхор

«Туор увидел перед собой высокую стену, преграждавшую путь...» (стр. 197) (см. цветная вклейка 4)

Предисловие

В своем предисловии к «Берену и Лутиэн»¹ я отмечал, что «подготовленная мною на девяносто третьем году жизни, это (предположительно) последняя книга в долгой серии публикаций трудов моего отца». Я употребил слово «предположительно», поскольку на тот момент гипотетически задумывался о том, чтобы издать третье из «Великих Преданий» моего отца, «Падение Гондолина», в том же формате, что и «Берен и Лутиэн». Но мне в это почти не верилось, поэтому я «предположил», что «Берен и Лутиэн» станет последней из моих книг. Однако предположение оказалось ошибочным, и теперь я должен сказать, что «подготовленная мною на девяносто четвертом году жизни книга “Падение Гондолина” (несомненно) станет последней».

В этой книге на материале сложного, многопланового повествования, сотканного из множества сюжетных нитей в разных текстах, видно, как Средиземье продвигалось к концу Первой Эпохи и как представление моего отца о задуманной им истории мира развивалось на протяжении долгих лет, пока, наконец, не застыло на том варианте, который должен был стать наиболее законченным и проработанным.

Повествование о Средиземье в Древние Дни всегда представляло собою подвижную, изменчивую систему. Моя длинная, запутанная «Историография» этой эпохи и длиной, и запутанностью обязана этому бесконечному «разбуханию»: постоянно добавлялись то новый образ, то новый мотив, то новое имя и, главное, новые взаимосвязи. Мой отец в роли Создателя задумывает крупномасштабную историю мира и по мере того, как пишет, осознает, что в сюжет добавился очередной новый элемент. Приведу в качестве иллюстрации короткий, но весьма примечательный пример – один из многих. Ключевая составляющая сюжета о Падении Гондолина – это путешествие, предпринятое человеком по имени Туор вместе со своим спутником Воронвэ, с целью отыскать сокрытый эльфийский град Гондолин. Мой отец вкратце поведал об этом путешествии в исходном «Сказании», без каких-либо вставных событий, примечательных или нет; но в последней версии, где о походе рассказано гораздо более пространно, однажды утром путники услышали в лесной глуши крик. Мы даже вправе сказать, не «они», а «он», то есть автор, услышал в лесах крик, внезапный и неожиданный². Появился высокий человек в черном, с длинным черным мечом в руках, и направился в сторону Туора и Воронвэ, выкликая некое имя, как будто кого-то искал. Но, не сказав ни слова, он прошел мимо.

Туор и Воронвэ не знали, как объяснить появление странного незнакомца, но Создатель истории мира отлично знает, кто это был: не кто иной, как прославленный Турин Турамбар, приходившийся Туору двоюродным братом; он – неведомо для Туора и Воронвэ – бежал из разоренного города Нарготронда. То – отголосок одной из великих легенд Средиземья. О бегстве Турина из Нарготронда рассказывается в «Детях Хурина» (мое издание, стр. 183–184), но об этой встрече там не упоминается, ведь родичи не узнали друг друга – и никогда более не встречались снова.

Дабы проиллюстрировать преобразования, происходящие с ходом времени, сошлемся на ярчайший из примеров – на описание божества Ульмо: согласно изначальным представлениям, он восседает в тростниках на реке Сирион и слагает музыку в сумерках; но много лет спустя повелитель всех вод мира является с моря в разгар шторма в Виньямаре. Ульмо стоит в самом

¹ Отсылки на данную книгу даются по изданию: *Дж. Р.Р. Толкин. Берен и Лутиэн*. Под ред. К. Толкина. М.: АСТ, 2019. – Примеч. пер.

² Чтобы показать, что это не фантазия, процитирую письмо отца ко мне от 6 мая 1944 г.: «На сцене возник новый персонаж (честное слово, я его не придумывал; он мне, по правде говоря, и не нужен был вовсе, хотя и пришелся весьма по душе; но вот, откуда ни возмись, явился и отправился бродить по итилиэнским лесам): Фарамир, брат Боромира». [Здесь и далее – примечания автора; кроме тех, что помечены как «Примеч. пер.»]

центре грандиозного мифа. При том, что Валинор по большей части ему противостоит, этот могущественный бог тем не менее загадочным образом добывается своего.

* * *

Оглядываясь назад, на результаты трудов своих, ныне завершенных спустя почти сорок лет, я полагаю, что моей основополагающей целью было, по крайней мере отчасти, показать, что представляет из себя «Сильмариллион» и сколь он важен по отношению к «Властелину Колец» – как Первая Эпоха описанного отцом мира Средиземья и Валинора.

Да, существует «Сильмариллион», опубликованный мною в 1977 году, но он был составлен, можно даже сказать «домыслен», так, чтобы получилось связное повествование – много лет спустя после «Властелина Колец». Это грандиозное произведение в возвышенном стиле, как предполагается, восходящее к далекому прошлому и не обладающее ни впечатляющей мощностью, ни непосредственной актуальностью «Властелина Колец», может показаться в некотором роде «обособленным». Конечно же, это было неизбежно – в том формате, в каком я принял этот труд, ведь повествование о Первой Эпохе обладало радикально иной литературной и художественной природой. Тем не менее я знал, что давным-давно, когда «Властелин Колец» был уже закончен, но задолго до его публикации, мой отец выражал убежденность в том, что Первая Эпоха и Третья Эпоха (мир «Властелина Колец») должны восприниматься и издаваться как элементы или составные части *одного и того же произведения*, – и настоятельно того желал.

В настоящей книге, в главе «Эволюция легенды», я привожу фрагменты пространныго и очень показательного письма, написанного отцом своему издателю, сэру Стэнли Анвину, в феврале 1950 года, вскорости после того, как был дописан «Властелин Колец», – в котором автор высказал все, что наболело у него на душе. В тот момент он, посмеиваясь над самим собою, уверял, что сам ужасается, окидывая взглядом «этого нереализуемого монстра объемом под 600 000 слов», – тем более когда издатели ожидали того, чего требовали: продолжения к «Хоббиту», в то время как эта новая книга (утверждал мой отец) – «на самом деле продолжение к “Сильмариллиону”».

И мнения своего он так и не изменил. Он даже описывал «Сильмариллион» и «Властелина Колец» как «одну длинную Сагу о Самоцветах и Кольцах». Именно поэтому он выступал против отдельной публикации *любого из этих двух произведений*. Но в конце концов мой отец потерпел поражение, как станет ясно из главы «Эволюция легенды»: он вынужден был признать, что надежды на исполнение его пожелания нет, и согласился на издание «Властелина Колец» отдельной книгой.

После публикации «Сильмариллиона» я принялся разбирать весь корпус оставленных мне отцом рукописей – на что потребовались долгие годы. В «Истории Средиземья» я ограничил себя общим принципом – «скакать стремя в стремя», то есть рассматривать не одно предание за другим по отдельности, в развитии, на протяжении многих лет, но скорее эволюцию повествования в целом. Как я отмечал в предисловии к первому тому «Истории Средиземья»:

...Авторское видение своей собственной концепции исподволь непрестанно менялось, пересматривалось и разрасталось; лишь в «Хоббите» и во «Властелине Колец» оно отчасти проявилось и было зафиксировано в печати при жизни создателя. Поэтому изучать Средиземье и Валинор настолько сложно; ведь объект исследования не был стабилен, а существовал, так сказать, «в вертикальной проекции» во времени (при жизни автора), а не только «в горизонтальной проекции» во времени, как изданная книга, которая более не претерпевает существенных изменений.

Вот почему в силу самой природы этого произведения в «Истории» зачастую разобраться непросто. Когда я решил, что настало время закончить наконец эту долгую серию публикаций, мне пришло в голову попробовать по возможности другой формат: проследить, опираясь на уже опубликованные тексты, одно отдельно взятое предание от самого раннего существующего варианта и вплоть до позднейших переработок, – именно так построена книга «Берен и Лутиэн». В моем издании «Детей Хурина» (2007) я описал в приложении ключевые сюжетные изменения, вносимые в последовательность версий; но в «Берене и Лутиэн» я приводил ранние тексты полностью, начиная с самого первого, исходного варианта «Утраченных сказаний». Теперь, когда не приходится сомневаться, что настоящая книга – последняя, тот же своеобразный формат я использовал и в «Падении Гондолина».

При таком подходе выявляются фрагменты или даже целостные концепции, впоследствии отвергнутые; таково в «Берене и Лутиэн» впечатляющее появление Тевильдо, Князя Котов (пусть и ненадолго). В этом отношении книга «Падение Гондолина» уникальна. В исходной версии сказания сокрушительный штурм Гондолина с помощью немыслимого нового оружия представлен так отчетливо и так подробно, что приводятся даже названия конкретных мест в городе, где огонь пожирает здания или где гибнут прославленные воины. В более поздних версиях описания битвы и разрушения города сведены к одному абзацу.

Тот факт, что эпохи в Средиземье перетекают одна в другую, можно наиболее непосредственно прочувствовать благодаря повторному появлению – вживе, а не в воспоминаниях – персонажей Древних Дней во «Властелине Колец». Бесконечно стар энт по имени Древобрад; энты – древнейший народ, доживший до Третьей Эпохи. Неся Мериадока и Перегрину через Фангорнский лес, он нараспев им рассказывал:

*В ивовых лугах Тасаринана бродил я весной.
А! Краса и благоухание весны в Нан-тасарионе!*

Воистину, когда Древобрад пел хоббитам в Фангорне, уже немало времени прошло с тех пор, как Ульмо, Владыка Вод, явился в Средиземье говорить с Туором. Или вот еще пример: в финале истории мы читаем об Эльронде и Эльросе, сыновьях Эаренделя, – в эпоху более позднюю один станет властителем Ривенделла, а другой – первым королем Нуменора; а пока они еще совсем юны, и один из сыновей Феанора берет их под свое покровительство.

Но здесь в качестве символа Эпох я представляю персонажа по имени Кирдан Корабел. Он был хранителем Нарьи, Кольца Огня, одного из Трех Эльфийских Колец, до тех пор, пока не отдал его Гандальву; о Кирдане говорилось, что он «видел дальше и глубже, нежели кто угодно другой в Средиземье». В Первую Эпоху он правил гаванями Бритомбара и Эглареста на побережье Белерианда; когда же гавани были уничтожены Морготом после Битвы Бессчетных Слез, Кирдан с немногими уцелевшими из своего народа бежал на остров Балар. Там и в устьях Сириона он вновь принялся возводить корабли и по просьбе короля Тургона Гондолинского построил их семь. Эти корабли отплыли на Запад, но ни об одном из них так ничего и не узнали, кроме последнего. На нем был Воронвэ, отправленный из Гондолина; Воронвэ выжил в кораблекрушении и стал проводником и спутником Туора в их великом походе к Сокрытому Граду.

Много времени спустя, вручая Гандальву Кольцо Огня, Кирдан объявил: «Но что до меня, сердце мое принадлежит Морю, и стану жить я на сумрачном побережье, храня Гавани, до тех пор, пока не отплывет последний корабль». Так что в последний раз Кирдан появляется в последний день Третьей Эпохи. Когда Эльронд и Галадриэль вместе с Бильбо и Фродо подъехали к вратам Серых Гаваней, где дожидался их Гандальв,

Навстречу им вышел Кирдан Корабел. Был он высок и статен, и сед, и стар, и длинна была его борода, но глаза сияли пронзительно-ярко, как звезды;

он поклонился прибывшим и промолвил: «Все готово». И ввел их Кирдан в Гавани, и стоял там у причала белоснежный корабль...

Отзвучали слова прощания, и уплывающие взошли на борт:

И вот подняли паруса, и подул ветер, и корабль медленно заскользил прочь по длинному серому заливу, и свет фиала Галадриэли в руках Фродо замерцал и исчез. А корабль вышел в открытое море и уплыл на Запад...

тем самым следуя путем Туора и Идрили, которые в конце Первой Эпохи «отплыли на Запад, держа курс на заходящее солнце, и более не говорится о них ни слова ни в преданиях, ни в песнях».

* * *

Сказание «Падение Гондолина» в ходе своей эволюции вбирает в себя множество отсылок к иным легендам, и местам, и векам: к событиям прошлого, что обуславливают действия и представления в настоящем (в контексте данного сказания). В таких случаях очень хочется добавить пояснения или, по крайней мере, какие-то дополнительные сведения; но, памятуя о цели книги, я не стал усеивать текст дополнительными мелкими циферками примечаний. Я ставил своей целью предоставить такого рода подспорья в формате, который можно при желании с легкостью проигнорировать.

Во-первых, в Прологе я привожу цитату из отцовского «Очерка мифологии» 1926 года, чтобы его же собственными словами изложить историю Мира от самого начала вплоть до событий, в итоге приводящих к основанию Гондолина. Во-вторых, я во многих случаях использовал «Список имен и названий» для того, чтобы представить комментарии куда более развернутые, нежели отдельные названия предполагают; кроме того, после «Списка» я добавил несколько отдельных примечаний на самые разные темы, от сотворения Мира до значения имени «Эарендель» и Пророчества Мандоса.

Как обходиться с изменениями в именах и с разнообразием их форм – вопрос крайне сложный. Тем более сложный, что отдельная конкретная форма совсем необязательно указывает на приблизительную дату создания текста, в котором встречается. Мой отец мог внести одно и то же изменение в текст на совершенно разных этапах, как только замечал в этом необходимость. Я не стремился к единообразию на протяжении всей книги; то есть не держался одной и той же формы от начала и до конца, и не всегда воспроизводил ту, что представлена в рукописи, но допускал вариации – те, что казались мне наилучшим решением. Так, я сохраняю форму *Ильмир* там, где она встречается вместо *Ульмо*, поскольку ее регулярная повторяемость имеет лингвистическую природу; но всегда исправляю вариант *Торндор* на *Торондор*, «Король Орлов», поскольку мой отец со всей очевидностью собирался произвести эту замену повсеместно.

И наконец, я компоновал содержание книги иначе, нежели в «Берене и Лутиэн». Сперва идут тексты «Сказания», последовательно, один за другим, с краткими комментариями или вовсе без них. Затем приводится рассказ об эволюции сюжета, где, в частности, речь заходит и о том, как мой отец, к превеликому сожалению, оборвал последнюю версию «Сказания» на том моменте, когда Туор прошел сквозь Последние Врата Гондолина.

* * *

В заключение я повторяю то, что написал почти сорок лет назад:

Таким образом, следует отметить, что единственным полным вариантом истории о пребывании Туора в Гондолине, о его браке с Идрилью Келебриндал, о рождении Эарендила, предательстве Маэглина, разорении города и спасении беглецов – центрального сюжета Первой Эпохи, с точки зрения отца, – так и осталось повествование, написанное им еще в юности³.

И Гондолин, и Нарготронд были созданы лишь единожды и уже не воссоздавались заново. Они остались исполненными силы источниками и образами – возможно, тем более сильными именно потому, что никогда не были воссозданы, и никогда не были воссозданы, вероятно, потому, что обладают такой силой.

И хотя мой отец взялся преобразовать Гондолин, до города он так и не добрался вновь: поднявшись по бесконечному ущелью Орфалх Эхор и пройдя через длинную череду геральдических врат, автор замер вместе с Туором при виде Гондолина посреди равнины и так и не пересек Тумладен.

* * *

Публикация третьего и последнего из Великих Преданий «в виде самодостаточной истории» для меня стала поводом написать несколько слов в честь труда Алана Ли, который проиллюстрировал каждое из Преданий по очереди. Он привнес в эту работу глубокое понимание внутренней сути декораций и событий, отобранных им из всего многообразия Древних Дней.

Так, в «Детях Хурина» он увидел и изобразил пленного Хурина, прикованного к каменному сиденью на Тангородрине и внимающего страшному проклятию Моргота. А в «Берене и Лутиэн» – последних оставшихся в живых сыновей Феанора, недвижно восседающих верхом на конях и взирающих на новую звезду в западном небе – на Сильмариль, ради которого было отнято столько жизней. А в «Падении Гондолина» художник стоял рядом с Туором и вместе с ним дивился великолепию Сокрытого Города, ради которого Туор проделал такой путь.

И в заключение мне хотелось бы выразить глубокую признательность Крису Смитсу из издательства «Харпер-Коллинз» за неоценимую помощь, которую он оказал мне при подготовке этой публикации во всех ее нюансах, благодаря своей придирчивой дотошности, основанной на его знании как требований книгоиздательства, так и сущности данной книги. А еще – моей жене Бейли: без ее неизменной поддержки в ходе долгой работы над этой книгой она бы так и не была закончена. Кроме того, я благодарю всех тех, кто великодушно написал мне, когда казалось, что «Берену и Лутиэн» суждено стать моей последней книгой.

³ Цит. по: *Дж. Р.Р. Толкин. Неоконченные предания*. Пер. О. Степашкиной. С. 5. – *Примеч. пер.*

Иллюстрации

Туор ударяет по струнам арфы
Туор спускается к сокрытой реке
Исфин и Эол
Озеро Митрим
Горы и море
Орлы парят над окружными горами
Дельта реки Сирион
Резная фигура Глорфинделя на фоне эльфийских кораблей
Риан у Холма Павших
Вход в королевский чертог
Туор следует за лебедями к Виньямару
Гондолин среди снегов
Дворец Эктелиона
Эльвинг встречает беженцев из Гондолина
Герб Эарендила над морем

В конце книги приложена карта и генеалогии Дома Беора и владык нолдор. Они с небольшими изменениями заимствованы из книги «Дети Хурина».

Пролог



Туор ударяет по струнам арфы

Я начну эту книгу, снова вернувшись к цитате, которой я предварил «Берена и Лутиэн»: к письму моего отца от 1964 года, в котором он говорит, что написал «из головы» «Падение Гондолина» «во время отпуска из армии по болезни в 1917 году», и в том же самом году – исходный вариант «Берена и Лутиэн».

Касательно года возникают некоторые сомнения в связи с другими отсылками, встречающимися в переписке моего отца. В письме от июня 1955 года он утверждал: «“Падение Гондолина” (и рождение Эарендиля) было написано в госпитале и во время отпуска после того, как я пережил битву на Сомме 1916 г.»; а в письме к У. Х. Одну в том же году отец сообщает, что «Падение Гондолина» создавалось «во время отпуска по болезни в конце 1916 г.». А самое раннее из известных мне упоминаний об этом тексте содержится в отцовском сочувственном письме ко мне от 30 апреля 1944 года. «Я начал (рассказывает он) писать “Историю номов”⁴ в военных бараках, где людей набилось – не протолкнуться, и граммофон гремел во всю мощь». На отпуск по болезни это не слишком-то похоже; но, возможно, отец приступил к работе над сказанием до того, как отправился в отпуск.

Однако в контексте данной книги чрезвычайно важно то, как мой отец охарактеризовал «Падение Гондолина» в письме к У. Х. Одну от 1955 года: как «первое настоящее предание этого воображаемого мира».

⁴ Касательно использования слова «номы» для обозначения народа эльфов, именуемого нолдор (ранее нолдоли), см. «Берен и Лутиэн», стр. 32–33.

Мой отец правил исходный текст «Падения Гондолина» иначе, нежели «Сказание о Тину-виэли»: там он стирал первоначальный карандашный текст и вписывал на его место новый вариант. А в данном случае он радикально переработал исходный черновой набросок «Сказания», но вместо того, чтобы стереть карандаш, он записывал отредактированный вариант чернилами поверх него, по ходу работы умножая количество правок. По тем фрагментам, где первоначальный текст поддается прочтению, видно, что автор довольно близко следовал первой версии.

Эту переработку моя мать переписала набело, причем очень аккуратно и точно, учитывая неразборчивость рукописи. Впоследствии отец внес в этот экземпляр множество изменений, причем в разное время. Поскольку в данной книге я не ставил себе задачей подробно рассмотреть все текстологические сложности, что практически всегда сопутствуют изучению трудов моего отца, здесь я привожу текст, переписанный моей матерью, со всеми внесенными в него правками.

* * *

Однако в этой связи следует упомянуть, что множество изменений в исходном тексте были сделаны до того, как мой отец весной 1920 года прочел «Сказание» в Эссеистском клубе Эксетер-Колледжа в Оксфорде. В своем вступлении отец извинился за то, что выбрал это произведение вместо какого-нибудь «эссе», и пояснил: «Конечно, она [эта история] никогда прежде не выносилась на суд публики. У меня в голове уже в течение некоторого времени растет (или, скорее, строится) целый цикл событий, происходивших в выдуманной мною Эльфийской стране. Некоторые эпизоды были наспех записаны. Эта история – не лучшая из них, но она – единственная, которая, хотя бы отчасти, была выправлена, и, хотя она еще требует правки, я все же осмелюсь ее прочесть»⁵.

Изначально сказание было озаглавлено «Туор и изгнанники Гондолина», но мой отец всегда называл его «Падение Гондолина», и я поступаю так же. В рукописи за заголовком следуют слова «предыстория Великого Сказания об Эаренделе». Его рассказчиком на Одинокоем острове (о нем см. «Берен и Лутиэн», стр. 34–35) выступает Сердечко (Ильфиниол), сын того самого Бронвега (Воронвэ), который играет в Сказании столь важную роль.

* * *

В силу самой природы третьего из «Великих Преданий» Древних Дней грандиозное изменение в мире Богов и эльфов имеет самое непосредственное отношение к повествованию о Падении Гондолина – более того, является его составляющей частью. Необходимо краткое изложение этих событий; и, чем составлять его самому, я решил, что будет гораздо правильнее воспользоваться сжатым и весьма специфическим произведением моего отца. Это «Изначальный “Сильмариллион”» (он же – «Очерк мифологии»), как называл его сам автор, – датированный 1926 годом и впоследствии переработанный. Я приводил этот текст в «Берене и Лутиэне»; я включил его в настоящую книгу как одну из составляющих в эволюции сказания «Падение Гондолина»; но здесь я его использую в качестве краткого изложения предыстории возникновения Гондолина, тем более что сам он восходит к очень раннему периоду.

С учетом поставленной цели я опустил фрагменты, здесь к делу не относящиеся, и тут и там для ясности внес небольшие мелкие изменения и добавления. Мой текст начинается с того же момента, что и исходный «Очерк».

⁵ Цит. по: Дж. Р. Р. Толкин. Неоконченные предания. Пер. О. Степашкиной. С. 5. – *Примеч. пер.*

* * *

После того как Девять Валар отосланы управлять миром, Моргот (Демон Тьмы) восстает против верховной власти Манвэ, низвергает светильни, воздвигнутые, чтобы освещать мир, и затапливает остров Алмарен, на котором обитали Валар (или Боги). На Севере он укрепляет дворец с подземельями. Валар удаляются на заокраинный Запад, огражденный Внешними морями и последней Стеной, а в восточной части – исполинскими Горами Валинора: их воздвигли сами Боги. В Валиноре собирают Валар весь свет и немало всего прекрасного, и возводят дворцы, и сады, и город, но Манвэ и его супруга Варда обитают в чертогах на высочайшей горе (Таникветили); оттуда виден им весь мир вплоть до темных восточных пределов. Йаванна Палуриэн сажает Два Древа посреди равнины Валинора за воротами града Валмар. Растут они под ее песни; листья одного из них темно-зелены и сияют серебром в нижней части; а цветы – белые под стать вишне, и с лепестков их стекает росой серебристый свет; у второго листья, светло-зеленые, окаймленные золотом, как у бука, а цветы – желтые, точно висячие кисти раkitника, и испускают жар и ослепительно-яркий свет. Великолепное сияние каждого из деревьев в течение семи часов разгорается все ярче, а затем в течение семи же часов убывает; посему дважды в день наступает час приглушенного света, когда каждое из деревьев меркнет и свет их сливается воедино.

* * *

Внешние земли [Средиземье] погружены во тьму. Все пошло было в рост, но рост приостановился, когда Моргот загасил светильни. Уже высятся леса, обитель тьмы: и тиса, и ели, и плюща. Там порою охотится Оромэ, но на Севере властвуют Моргот и его демонические отродья (балроги) и орки (гоблины, также прозываемые *гламхот*, племя ненависти). Варда глядит на одетый тьмою мир и преисполняется сострадания, и, взяв весь собранный свет Сильпиона, Белого Древа, она сотворяет и рассыпает звезды.

С созданием звезд пробуждаются дети Земли – эльдар (или эльфы). Их находит Оромэ – там, где поселились они, у озаренной звездами заводи, у Куивиэнена, Вод Пробуждения, на Востоке. Оромэ скачет домой в Валинор, восхищенный их красотой, и извещает Валар; они вынуждены вспомнить о своем долге по отношению к Земле, ибо явились они туда, зная, что призваны управлять ею во имя двух народов Земли, кои придут позже, и каждый – в назначенный срок. Следует экспедиция к крепости Севера (к Ангбанду, Железной преисподней), но теперь Валар уже не по силам уничтожить твердыню. Однако ж Моргот взят в плен и заточен в чертогах Мандоса, обитавшего на севере Валинора.

Эльдалиэ (народ эльфов) приглашены в Валинор из опасения перед злобными тварями Моргота, что все еще обретались во тьме. Эльдар выступают с Востока в великий поход, возглавляемые Оромэ верхом на его белом скакуне. Эльдар поделены на три отряда: одни, под началом Ингвэ, впоследствии прозывались квенди (Светлые эльфы); другие впоследствии прозывались нолдоли (номы, или Глубокомудрые эльфы); третьи впоследствии прозывались телери (Морские эльфы). Многие из них потерялись в пути и скитаются по лесам мира; впоследствии от них пошли многие рода илькоринди (эльфы, что никогда не жили в Коре в Валиноре). Из них превыше прочих стоит Тингол, что услышал Мелиан и пение ее соловьев, и подпал под власть чар, и уснул на целый век. Мелиан была одной из божественных дев Валы Лориэна и порою забредала во внешний мир. Мелиан и Тингол стали королем и королевой лесных эльфов Дориата и жили в чертоге под названием Тысяча Пещер.

* * *

Прочие эльфы добрались до крайних берегов Запада. На Севере они в те дни отлого понижались к западу, так что в конце концов лишь узкое море отделяло их от земли Богов, и это узкое море загромождал скрежещущий лед. Но в той оконечности, куда пришли отряды эльфов, к западу простиралась бескрайняя темная пучина.

Валар Моря было двое. Ульмо (Ильмир), самый могущественный из Валар после Манвэ, был владыкой всех вод, но часто жил в Валиноре, или во Внешних морях. Оссэ и владычице Уинен, чьи длинные пряди пронизывали весь океан, более милы были моря мира, что омывали берега под сенью Гор Валинора. Ульмо выкорчевал наполовину затонувший остров Алмарен, где Валар обитали поначалу, и, приняв на него нолдоли и квенди, что прибыли первыми, переправил их в Валинор. Телери же какое-то время жили на побережье, дожидаясь Ильмира; отсюда их любовь к морю. Когда же Ульмо переправлял и их, Оссэ из ревности и из любви к их пению приковал остров цепями к морскому дну у выхода из залива Фаэри, откуда Горы Валинора едва видны. Никаких других земель подле не было, потому прозывался он Одиноким островом. Там телери прожили долгий век, и наречие их сделалось иным, и переняли они странную музыку Оссэ, а тот на радость им создал морских птиц.

Прочим эльдар Боги даровали кров в Валиноре. Поскольку эльфы даже среди осиянных Древами садов Валинора тосковали по звездному отблеску, в опоясывающих горах прорублена была брешь, и там, в глубокой долине, возвели зеленый холм Кор. С Запада холм тот озаряли Древа; на Востоке глядел он на Залив Фаэри и Одинокий остров, и далее, на Тенистые моря. Так часть благословенного света Валинора просачивалась во Внешние земли [Средиземье] и изливалась на Одинокий остров, так что западные его берега сделались зелены и прекрасны.

На вершине Кора воздвигся град эльфов, и назвали его Тун. Манвэ и Варда более прочих возлюбили квенди, но Аулэ (Кузнец) и мудрый Мандос – нолдоли. Нолдоли измыслили драгоценные камни и сотворили их несметное число, заполняя ими весь Тун и все чертоги Богов.

Всех нолдоли превосходил в искусстве и магии старший сын Финвэ⁶ Феанор. Он сработал три самоцвета (Сильмарили) и вложил в них живой огонь, составленный из света Двух Древ; камни сияли собственным светом и обжигали нечистые руки.

Телери, различая вдали отблеск Валинора, разрывались между желанием воссоединиться с родней своей и жить у моря. Ульмо обучил их ремеслу судостроения. Оссэ, уступив, подарил им лебедей, и впрягли телери множество птиц в свои ладьи, и отплыли в Валинор, и поселились там на побережье, откуда видели свет Дерев, и могли, коли захочется, бывать в Валмаре; могли и плавать по водам и танцевать в волнах, подсвеченных сиянием, что струилось мимо Кора. Прочие эльдар подарили им множество самоцветов, особенно же опалы и бриллианты и прочие бледные кристаллы, кои рассыпаны были по взморью Залива Фаэри. Сами же телери измыслили жемчуга. Их главным городом стала Лебединая гавань на побережье к северу от устья Кора.

* * *

И вот Боги были обмануты Морготом, который, проведя семь веков в темницах Мандоса (причем муки его постепенно смягчались), в должный срок предстал перед советом Богов. И глядит он со злобой и алчностью на эльдар, что тоже восседают там подле колен Богов, и особенно преисполняется вожделения к драгоценным камням. Но он скрывает свою ненависть

⁶ Финвэ возглавлял нолдоли во время великого похода от Куивизнена. Его старшим сыном был Феанор, вторым – Финголфин, отец Фингона и Тургона; а третьим – Финарфин, отец Финрода Фелагунда.

и жажду мщения. Дозволено ему скромное жилище в Валиноре, и со временем он уже свободно расхаживает по всему Валинору; один лишь Ульмо предчувствует недоброе, да могучий Тулкас, что ранее захватил его в плен, зорко за ним приглядывает. Моргот помогает эльдар во многих делах, но постепенно отравляет их покой ложью.

Моргот намекает, что Боги призвали их в Валинор из зависти, убоявшись, что их чудесное искусство, и магия, и красота во внешнем мире возрастут непомерно – так, что Боги окажутся перед ними бессильны. Квенди и телери не внимают его речам, но нолдоли, мудрейшие из эльфов, поддаются под их влияние. Они то и дело принимаются роптать против Богов и их народа; они тщеславятся своим искусством.

Более всего Моргот раздувает пламя сердца Феанора, однако все это время алчет бессмертных Сильмарилей, хотя Феанор проклял навеки любого, кто прикоснется к камням, будь то Бог, или эльф, или смертный, что придет впоследствии. Моргот же, лукавая, говорит Феанору, что, дескать, Финголфин и сын его Фингон замышляют захватить власть над номами, отняв ее у Феанора и его сынов, и отобрать Сильмарили. Между сынами Финвэ вспыхивает ссора. Феанор призван предстать перед Богами, и лживые наветы Моргота разоблачены. Феанор изгнан из Туна, и вместе с ним уходит Финвэ, который любит Феанора превыше всех своих сыновей, и многие номы. Они строят Сокровищницу на севере Валинора в холмах близ чертогов Мандоса. Финголфин правит номами, оставшимися в Туне. Так слова Моргота словно бы обернулись истиной, и горечь обид, посеянная Морготом, не убывает, хотя речи его и опровергнуты.

Тулкас послан снова заковать Моргота в цепи, но Моргот бежит через ущелье Кора в одетую тьмой область у подножия горы Таникветиль под названием Арвалин, где лежит густая тень – в целом мире нет ее непрогляднее. Там находит он Унголиант, Прядильщицу Мглы, что обитает в расселине скал, и поглощает свет и все, что сияет, и прядет из них сети черноты, и удушливой тьмы, и тумана, и мрака. Вместе с ней Моргот строит планы мести. Однако лишь ужасная награда способна заставить ее бросить вызов опасностям Валинора и зоркости Богов. Она ткет вокруг себя густую мглу защиты ради и перебирается от вершины к вершине по веревкам, и поднимается наконец на высочайший пик гор к югу от Валинора (почти не охраняемых по причине их высоты и удаленности от старой крепости Моргота). Она плетет лестницу, чтобы мог подняться и Моргот. Они прокрадываются в Валинор. Моргот пронзает Древа, а Унголиант выпивает до капли их соки, изрыгая клубы мрака. Древа медленно гибнут, умерщвленные отравленным мечом и ядовитыми губами Унголиант.

Боги приходят в ужас, видя, как в полдень наступают сумерки и черные испарения стелются по улицам города. Но Боги опоздали. Под их стенания Древа умирают. Тулкас и Оромэ, и многие другие верхом преследуют Моргота в сгущающейся тьме. Куда бы ни направился Моргот, там благодаря сетям Унголиант всего непрогляднее сбивающая с толку мгла. Являются номы из Сокровищницы Финвэ и сообщают, что Морготу помогает паучиха тьмы. Они видели, как те направляются на Север. Моргот же, спасаясь бегством, задержался в Сокровищнице, сразил Финвэ и многих его подданных и унес Сильмарили и несметное количество великолепнейших эльфийских самоцветов.

Между тем Моргот с помощью Унголиант уходит от погони на север и пересекает Скрежущий Лед. Когда же он возвращается в северные области мира, Унголиант требует выплатить ей вторую половину вознаграждения. Первую половину составлял сок Древ Света. Теперь она притязает на половину драгоценностей. Моргот уступает ей сокровища, и она пожирает их. К тому времени она вырастает до чудовищных размеров, но Моргот наотрез отказывается делиться с ней Сильмарилиями. Она оплетает Моргота черной паутиной, но его вызволяют балроги с огненными бичами и полчища орков; Унголиант же перебирается на окраинный Юг.

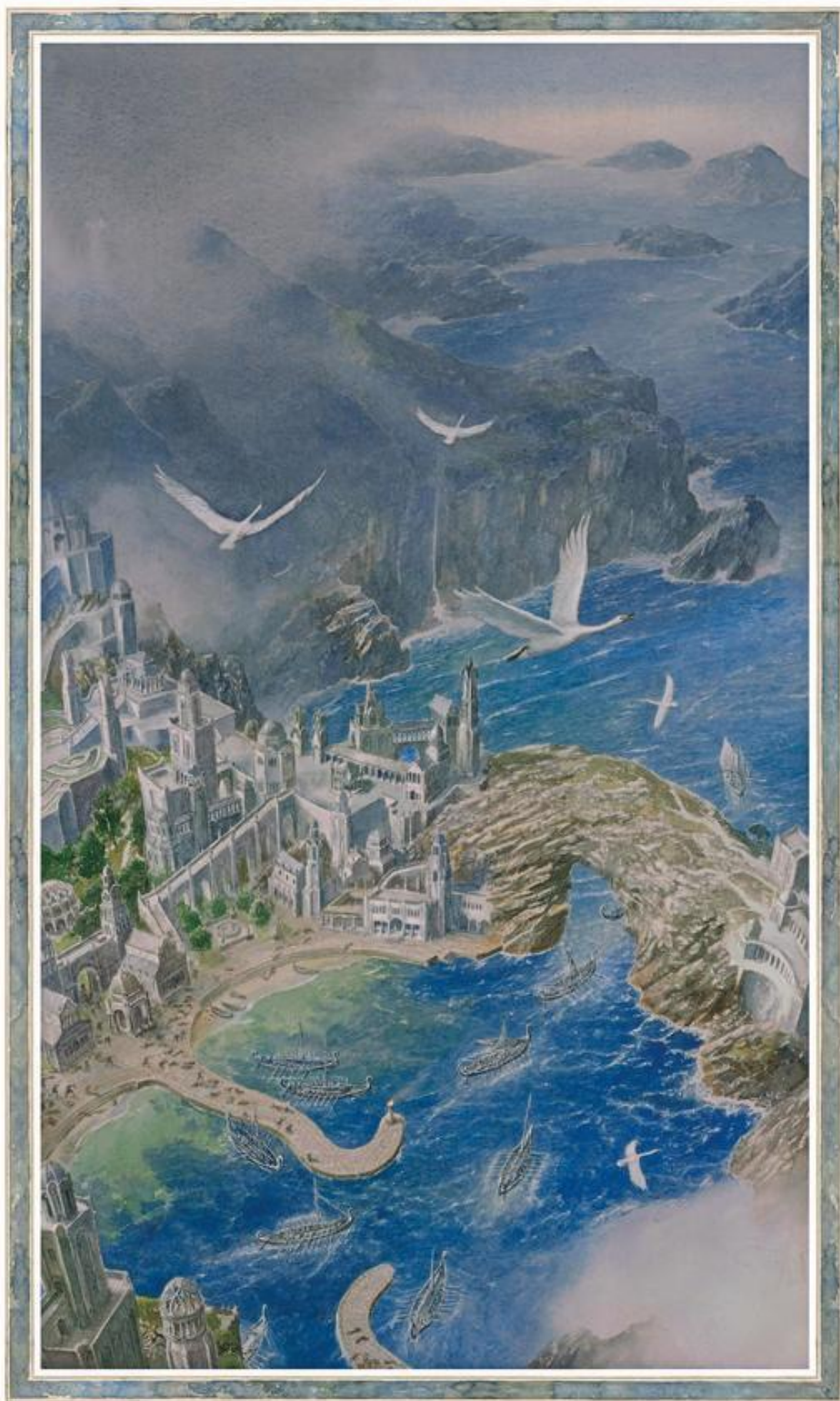
Моргот возвращается в Ангбанд; там его мощь и сонмы его демонов и орков умножаются многократно. Он выковывает себе железную корону и вставляет в нее Сильмарили, хотя его

руки обгорают дочерна от прикосновения к ним, и впоследствии боль от ожогов так и не утихает. С короной Моргот не расстается ни на миг и никогда не покидает глубоких подземелий своей крепости, управляя бесчисленными воинствами со своего глубинного трона.

* * *

Когда наконец не осталось сомнений в том, что Моргот бежал, Боги сходятся к мертвым Древам и долго сидят во тьме, потрясенные и немые, и ни до чего им нет дела. Для своего набега Моргот избрал день празднества всего Валинора. В тот день по заведенному обычаю верховные Валар и многие эльфы, в особенности же квенди, бесконечной процессией восходили по долгим извивистым тропам к чертогам Манвэ на горе Таникветиль. Все квенди и некоторые нолдоли (что все еще обитали в Туне под властью Финголфина) ушли на Таникветиль и пели на горней ее вышине, когда часовые издалека углядели, что свет Древ меркнет. Нолдоли в большинстве своем пребывали на равнине, а телери на побережье. И вот через ущелье Кора с моря тянутся туманы и тьма – теперь, когда умерли Древа. Феанор призывает номов в Тун (взбунтовавшись против назначенного ему изгнания).

На вершине Кора, на площади у башни Инга, в свете факелов сходятся бесчисленные толпы. Феанор держит ожесточенную речь, и хотя ярость его обращена против Моргота, слова его отчасти являются плодами Морготовых наветов. Он велит номам бежать под покровом тьмы, пока Боги погружены в скорбь, дабы обрести свободу в мире и отыскать Моргота, теперь, когда Валинор уже не более благословен, нежели внешние пределы. Финголфин и Фингон ему возражают. Собравшиеся номы большинством решают в пользу бегства, и Финголфин и Фингон уступают, ибо не хотят покинуть народ свой, но под их началом остается половина народа нолдоли.



Лебединая гавань

«Они [номы] пытаются захватить лебяжьи корабли в Лебединой гавани, и начинается сражение...»

Поход начинается. Телери примкнуть отказываются. Номы не могут бежать без судов и не решаются переправляться через Скрежешущий Лед. Они пытаются захватить лебяжьи корабли в Лебединой гавани, и начинается сражение (первое между народами Земли), в котором гибнут многие телери, а корабли их уведены прочь. На номов налагается проклятие: им суждено впоследствии то и дело страдать от предательства и от страха перед предательством среди своей же родни в наказание за кровь, пролитую в Лебединой гавани. Они плывут на Север вдоль берега Валинора. Мандос шлет посланника, и тот окликает номов с высокого утеса, когда они проплывают мимо, и предостерегает: пусть возвратятся; когда же номы отказываются, изрекает «Пророчество Мандоса» касательно судеб грядущих дней.

Номы добираются до того места, где моря всего уже, и готовятся плыть. Пока они стоят лагерем на берегу, Феанор и его сыны и подданные отплывают, забрав с собою все ладьи, и предательски покидают Финголфина на дальнем берегу: так начинает сбываться проклятье Лебединой гавани. Едва высадившись на Востоке мира, они сжигают корабли, и народ Финголфина видит отсвет в небе. Тот же самый отсвет извещает о высадке и орков.

Народ Финголфина неприкаянно бродит от места к месту. Некоторые под началом Финголфина возвращаются в Валинор просить Богов о прощении. Фингон ведет основное воинство на Север и через Скрежешущий Лед. Многие гибнут.

* * *

В число стихотворных произведений, которые мой отец начал за годы своего пребывания в Лидском университете (в первую очередь это аллитерационная «Песнь о детях Хурина»), входит и «Бегство нолдоли из Валинора». Эта поэма, тоже написанная аллитерационным стихом, обрывается на 150 строке. Не подлежит сомнению, что она была написана в Лидсе и, как мне кажется, скорее всего в 1925 году, – именно тогда Толкин вступил в должность профессора англосаксонского языка в Оксфорде. Я частично процитирую этот поэтический отрывок, начиная с «на вершине Кора, на площади <...> сходятся бесчисленные толпы», где «Феанор держит ожесточенную речь», – этот эпизод описан в соответствующем фрагменте «Очерка мифологии», стр. 32. *Финн* в строках 4 и 16 – это номская форма имени Финвэ, отца Феанора; *Бредиль* в строке 49 – имя Варды на языке номов.

*А номы, сочтены по именам и родству,
Пришли, призваны, на площадь великую
На вершине Кора. Там взывал громко
Сын Финна яростный. Факелы жаркие
Вознес он ввысь, вращая в руках, – 5
В тех руках искусных, что сокрытую тайну
Ремесла постигли; ни смертный, ни ном
Ни умение их, ни магию не переймет никогда.
«Ло! повержен отец мой вражьем мечом;
Смерть испил он у стен чертогов, 10
У сокровищниц крепких, где, сокрыты во мгле,
Хранились те Три несравненных камня,
Что не создадут заново ни Девять Валар,
Ни ном, ни эльф; не дано возродить их*

Ни магией, ни умением; замены им не исполнит 15
Сам Феанор, сын Финна, что форму придал им.
Жар утрачен, зажегший их встарь,
Рок свершился над родом Фаэри.
Так мудрость от недомыслия сумела снискать
Зависть Богов, что заперли нас 20
В сладостных клетках – прислуживать, петь им,
Гранить им камни, побрякушки занятные,
Досуг их скрашивать красою обличия;
Они ж на ветер бросают вековые творения;
Не могут Моргота превозмочь, созывая 25
Совет за советом! Все, в ком живы
Надежда и доблесть, идите на зов мой,
К бегству, к свободе в забытых землях!
Чащобы мира – чертоги раздольные,
Что дремлют издревле, одетые мраком; 30
Равнины вольные, сокровенные берега,
Где лунный луч не льется доселе,
Заря в убранстве росном не блещет, —
Стопам бесстрашных пристали более,
Чем кущи Богов в оковах тьмы, 35
Оплот праздности, где пусты – дни.
Да! Свет сиял там; их краса запредельная
Превыше помыслов в плену нас держала
Здесь годы и годы. Но угас тот свет.
Сокровища сгинули, самоцветы украдены, 40
А Три, мои Три, трижды заклятые
Сферы хрустальные, светом немеркнущим
Зажжены, наполнены ожившим заревом,
Переливчатым блеском пламени ярого —
Моргот замкнул их в мрачной крепости, – 45
Мои Сильмарили. Сим словом навеки
Оковы крепкие клятвы приемлю:
Тимбрентингом и чертогами вечными
Бредиль Благословенной, ее обителью горной, —
Да услышь она слово! – спешить клянусь я 50
Через весь мир и море, не мысля об отдыхе,
Через гряды горные и угожья бескрайние,
Через трясины и скалы, и снежные бури,
Чтоб сыскать самоцветы, в коих судьбы замкнуты
И сокрыт рок народа Эльфланда; 55
Лишь в их сердце сияет ныне свет первозданный».

И семь сынов его высокого рода:
Крантир темный, Куруфин искусный,
Дамрод и Дириэль, и дивный Келегорм,
Маглор могучий и Майдрос статный 60
(Старший; страсть в нем сильнее полыхала
Гнева отцовского, огня Феанора;

*Доля недобрая поджидала его), —
Все вышли, встали вокруг отца, смеясь,
Взялись за руки, поклялись легко 65
Крепкою клятвой, что крови впоследствии
Пролила ливни, лезвия затупила
Воинств несметных, но жива и поныне.*

Сказание о падении Гондолина



Туор спускается к сокрытой реке

Так молвил Сердечко, сын Бронвега: «Узнайте же, что Туор был смертным человеком и жил в незапамятные времена в той северной земле, что зовется Дор-ломин, или Земля Теней; из эльдар лучше всех знают ее нолдоли.

Народ Туора скитался в лесах и холмах, и ведать не ведал о море, и не пел о нем; Туор же жил не с сородичами, а в одиночестве, близ озера под названием Митрим, охотился в окрестных лесах, а не то так играл у берегов на своей грубой деревянной арфе со струнами из медвежьих жил. Многие, прослышав о власти его безыскусных песен, приходили из ближних и дальних краев послушать игру его, но Туор умолкал и уходил в безлюдную глушь. Здесь узнал он много всего дивного и свел знакомство со скитальцами-нолдоли, а те обучили его своему языку и своей мудрости; но не суждено ему было провести в тех лесах всю свою жизнь.

Говорится, будто магия и судьба привели его однажды ко входу в пещеристый провал, вниз по которому из Митрима утекала подземная река. И вошел Туор в ту пещеру, надеясь вызнать ее секрет, но митримские воды подхватили и повлекли его за собою в самое сердце горы, и не смог он выбраться назад, к свету. И говорится, будто такова была воля Ульмо Владыки Вод, по чьей подсказке нолдоли проложили этот потаенный путь.

И явились нолдоли к Туору, и провели его по темным туннелям среди скал, и вот выбрался он снова на свет и увидел, что река стремительно несется по глубокому ущелью, стены которого неприступны. Но Туор уже раздумал возвращаться: он шел все вперед и вперед, и река неизменно вела его на запад.

Солнце вставало за его спиной и садилось у него перед глазами; там, где вода вспенивалась среди нагромождений валунов или низвергалась водопадами, над ущельем порою ткались

радуги, но вечерами его гладкие стены сверкали в лучах заката, и потому Туор назвал это место Златой расселиной, или Тесниной Радужной Кровли: на языке номов – Глорфалк, или Крис Ильбрантелот.

Так шел Туор три дня, утолял жажду водою потаенной реки, а насыщался рыбой; рыбы здесь водились золотые, синие и серебряные – самых разных причудливых видов. Наконец ущелье расширилось, и по мере того как стены его размыкались и понижались, они делались все более неровными и шероховатыми, а русло реки все больше загромождали валуны, образуя пенные перекаты. Здесь Туор подолгу сиживал, любуясь плескучей водой и вслушиваясь в ее голос, а потом вставал и устремлялся дальше, перепрыгивая с камня на камень, и распевал на ходу; а когда узкую полосу неба над расселиной усыпали звезды, он брался за арфу, и эхо вторило буйному перезвону струн.

Однажды ближе к ночи, после долгого и утомительного перехода, Туор слышал крик и взять не мог в толк, кто бы это мог быть. То говорил он себе: «Это местный дух, не иначе», то: «Нет, это, верно, какой-то мелкий зверек стенает среди скал»; а то казалось Туору, будто это голос неведомой птицы – незнакомый ему и до странности печальный; а поскольку за все время пути вниз по Златой расселине не слыхивал он птичьего пения, порадовался он этому кличу, пусть и такому горестному. На следующий день поутру вновь донесся с вышины тот же крик, и, запрокинув голову, Туор увидел трех больших белых птиц: они летели на могучих крыльях назад, вверх по ущелью, и издавали звуки сродни тем, что разносились в сумерках. То были чайки, птицы Оссэ.

В этой части течения реки над водою поднимались каменные островки, а по берегам тут и там громоздились обломки скал, окаймленные белым песком, так что идти стало трудно, и, поискав немного, Туор нашел место, где ему наконец-то с большим трудом удалось вскарабкаться по склону наверх. Там в лицо ему ударил свежий ветер, и промолвил Туор: «Отрадно мне, словно вина испил!»; но не ведал Туор, что неподалеку – Великое море.

Туор двинулся дальше вдоль реки: мало-помалу ущелье вновь сузилось, а стены его вздымались все выше, так что теперь шел он по краю головокружительного утеса; и вот он добрался до узкой горловины ущелья, что наполнилась громовым шумом. Туор поглядел вниз – и увидел величайшее из чудес: казалось, яростный поток, взбурлив, катится вверх по расселине и теснит реку обратно к ее истоку, но река, что примчалась из далекого Митрима, все напирала и напирала, и стена воды, увенчанная пеной и взвихренная ветрами, поднималась все выше, к самой кромке утеса. И вот, одолев воды Митрима, наступающая волна с ревом хлынула вверх по ущелью, и затопила каменные островки, и взбаламутила белый песок – так что Туор бежал в страхе, ибо не знал он обычаев Моря. Сами Айнуры вложили в его сердце мысль выбраться из ущелья незадолго до того, иначе захлестнул бы его прилив, в тот день особенно яростный, ибо ветер дул с запада. И оказался Туор в неприятном безлесном краю, выметенном ветром, что налетал со стороны заката; и все кусты и заросли клонились к восходу, ибо ветер тот дул, не меняясь. Там какое-то время блуждал Туор, пока не вышел к черным утесам у моря и не увидел впервые океан и его волны, и в этот самый час солнце село за оком земли далеко в море, Туор же стоял на вершине утеса, раскинув руки, и сердце его наполнилось неодолимой тоской. Иные говорят, будто он первым из людей достиг Моря, и взглянул на него, и изведal жажду, что рождает оно, но не знаю, много ли в том правды.

В тех краях и поселился Туор: он обосновался в бухточке, защищенной громадными угольно-черными скалами; ее устилал белый песок, и лишь при высоком приливе отчасти заливала синяя вода; туда не долетали ни пена, ни брызги, кроме как при самой яростной буре. Долго Туор прожил там один: он то бродил вдоль берега, то пробирался через скалы при отливе, дивясь на заводы и гигантские водоросли, на влажные гроты и на незнакомых морских птиц, коих он впервые увидел и узнал; но прилив и отлив, и голос волн всегда оставались для него величайшим чудом, неизменно новым и немислимимым.

А надо сказать, что Туор частенько плавал в маленьком челноке, резной нос которого подоился лебединой шее, по спокойным водам Митрима, над которыми далеко разносились крики утки или водяной курочки; лодочку свою он потерял в тот день, когда отыскал сокрытую реку. Выходить в море Туор до поры не решался, хотя сердце неизменно побуждало его к тому, полнясь странной тоскою, и тихими вечерами, когда солнце опускалось за край моря, тоска эта перерастала в неодолимую жажду.

По сокрытой реке приплывали к нему бревна; то было доброе дерево – нолдоли рубили его в лесах Дор-ломина и с умыслом сплавляли Туору. Но тот пока что ничего не строил, кроме разве дома в укромном уголке своей бухты, что в сказаниях эльдар с тех пор получила название Фаласквиль. Неспешно трудясь, украсил Туор то жилище чудесными резными изображениями зверей и деревьев, цветов и птиц, памятных ему по окрестностям Митримского озера, а главным среди них был Лебедь, ибо Туор любил этот образ, и впоследствии стал он гербом самого Туора, и родни его, и его народа. Там прожил Туор очень долго, до тех пор, пока одиночество пустынного моря не вошло в его сердце, и даже Туор-отшельник возмечтал о голосе человеческом. Тогда пришлось вмешаться Айнурус, ибо Ульмо возлюбил Туора.

Однажды утром, обеда вдвоем на берегу – а случилось это в последние дни лета, – увидел Туор, что высоко в небе с севера летят на могучих крылах три лебедя. Прежде в здешних краях он этих птиц не встречал, и счел сие за знак, и молвил: «Давно в сердце своем порешил я отправиться в дальний поход; ло! – теперь, наконец, последую я за этими лебедями». Се, лебеди опустились на воду, трижды проплыли вокруг бухты и вновь взмыли ввысь, и неспешно полетели вдоль берега на юг, и Туор, взяв арфу и копье, двинулся за ними.

В тот день Туор оставил за спиной немало лиг и еще до вечера пришел в край, где вновь появились деревья: очертания здешних земель разительно отличались от побережья Фаласквилля. Там Туор знал могучие утесы, изрезанные пещерами, и гигантские морские гейзеры, и бухты, загражденные стенами скал, а от крутого обрыва неприятное, суровое плато уводило на восток – туда, где вдалеке синела кромка холмов. Теперь же Туор видел перед собою протяженный отлогий берег и песчаные косы, в то время как далекие холмы подступали все ближе к побережью, их темные склоны одевались соснами и елями, а у подножия росли березы и древние дубы. От холмов потоки пресной воды сбегали по узким расщелинам вниз, к взморью, и вливались в соленые волны. Порою встречались трещины настолько широкие, что и не перепрыгнешь; идти зачастую было куда как непросто, но Туор упорно пробирался все дальше, ведь лебеди по-прежнему вели его за собою: они то кружили над головой, а то устремлялись вперед, но на землю ни разу и не опустились, и шум их гулких крыл ободрял скитальца.

Говорится, что так шел Туор вперед много дней подряд, а с Севера надвигалась зима – и нагнала-таки неутомимого путника. Тем не менее с началом весны добрался Туор, не пострадав ни от непогоды, ни от дикого зверя, к устью некоей реки. А надо сказать, что здесь раскинулся край более приветный, нежели у выхода из Златой расселины дальше к северу; более того, побережье изгибалось так, что море теперь находилось от Туора скорее к югу, нежели к западу, как он примечал по солнцу и звездам; однако ж до сих пор неизменно оставалось по правую его руку.

Река текла по красивому руслу, а по берегам ее пролегли плодородные земли: травы и заливные луга с одной стороны, поросшие деревьями склоны с другой; она мешкотно струилась навстречу морю, а не вступала с ним в ярую битву, как Митримский поток на севере. Над водой выступали длинные островки, заросшие тростником и густым кустарником; а ближе к устью протянулись песчаные отмели. Эти места облюбовали сонмы птиц: таких огромных стай Туор нигде еще не видывал. Отовсюду доносились пронзительные кличи, стенания и пересвист; и там, в туче белых крыльев, Туор потерял из виду трех лебедей и более никогда уж их не встречал.

А Туор до поры подустал от моря, ибо немало тягот претерпел в пути. Вышло так не без вмешательства Улмо: в ту ночь явились к путнику нолдоли, и Туор пробудился ото сна. При свете их синих светильников он отыскал путь вдоль реки и зашагал прочь от побережья, да так быстро, что, когда рассвет заполонил небо по его правую руку, ло! – и море, и голос моря остались далеко позади, а ветер дул Туору в лицо, так что морем даже не пахло. И вскорости добрался Туор до того края, что зовется Арлисион, «обитель тростников» – в той земле, что лежит к югу от Дор-ломина и отделена от него Тенистыми горами: их отроги тянутся к самому морю. С этих-то гор и сбегала река, и воды ее даже здесь были кристально-прозрачны и на диво холодны. Река сия прославлена превыше прочих в истории эльдар и нолдоли и на всех языках зовется Сирион. Здесь Туор отдыхал какое-то время, но вот, побуждаем смутным стремлением, вновь воспрял и зашагал дальше и дальше вверх по реке, и шел так много дней подряд. Весна стояла в разгаре и еще не привела за собою лето, когда достиг он земель еще более прекрасных. Здесь повсюду вокруг звенели дивной музыкой трели мелких птах, ибо нигде не поют птицы так сладко, как в Краю Ив; в эту чудесную страну и пришел ныне Туор. Здесь река петляла широкими извилами промеж пологих берегов по обширной равнине, поросшей благоуханнейшими травами, высокими и зелеными; по-над водой росли древние, позабывшие счет годам ивы, а на широкой водной глади покачивались листья кувшинок: в это раннее время года они еще не цвели, но под ивами боевым строем взметнулись зеленые мечи касатиков, и осока, и тростники. Здесь, в темных уголках, жил дух шорохов, и в сумерках нашептывал Туору свои сказки, и не хотелось Туору уходить; и поутру хотелось еще меньше, так великолепны были бесчисленные лютики, и задержался странник в этом краю.

Там увидел он первых бабочек и порадовался им; и говорится, будто все бабочки и родня их появились на свет в долине Края Ив. И вот пришло лето, и настала пора ночных мотыльков и вечерней теплыни, и дивился Туор множеству мошек и жужжанию их, и стрекотанию жуков, и гудению пчел; и всем этим созданиям Туор давал имена, и вплетал имена эти в новые песни, перебирая струны своей старой арфы; и песни эти были нежнее и мягче, нежели встарь.

И убоился Улмо, как бы Туор не поселился там навсегда – ведь тогда не исполнились бы великие замыслы Владыки Вод. И не решался он более доверить одним лишь нолдоли направлять Туора, ибо служили они ему втайне и из страха перед Мелько колебались и мешкали. Да и недоставало им сил противостоять волшебству той ивовой страны, ибо воистину могучи были ее чары.

Се! Улмо вскочил на свою колесницу, ожидающую у врат дворца под недвижными водами Внешнего моря; а колесницу ту влекли нарвал и морской лев, видом же походила она на кита; и, вострубив в гигантские раковины, понесся Улмо прочь из Улмонана. И так стремительно мчался он, что спустя дни, а вовсе не бесчисленные годы, как можно было бы предположить, достиг он устья реки. Вверх по реке колесница подняться не могла, не учинив урона водам и берегам; потому Улмо, любящий все реки, а эту паче прочих, далее отправился пешком, облаченный в кольчугу до пояса, словно бы из чешуи синих и серебряных рыб; а кудри его отливали голубоватым серебром, равно как и ниспадающая до земли борода; и не было на нем ни венца, ни шлема. Из-под кольчуги выбивались полы его переливчато-зеленой туники; из чего сотканы они были, неведомо, но тот, кто всматривался в глубины этих неуловимых оттенков, словно бы видел, как колыхаются придонные воды, пронизанные потаенными огоньками светящихся рыб, что живут в пучине. А препоясан он был нитью крупных жемчужин, а обут в могучие каменные башмаки.

Взял Улмо с собою также и свой громадный музыкальный инструмент невиданной формы, сработанный из множества длинных витых раковин, в коих проделаны отверстия. Дуя в раковины и перебирая отверстия длинными пальцами, Улмо извлекал низкие и глубокие звуки – и складывались они в мелодии более волшебные, нежели играли когда-либо музыканты на арфе или лютне, на лире или свирели, или с помощью смычка. И вот, поднявшись вверх

по реке, в сумерках воссел он среди тростников и заиграл на своих раковинах, поблизости от тех мест, где поселился Туор. И услышал Туор ту музыку, и утратил дар речи. Там стоял он по колено в травах и не замечал более ни гудения насекомых, ни плеска воды у самой кромки берега, не ощущал аромата цветов; но внимал шуму волн и столам морских птиц, и душа его, встрепенувшись, рвалась к утесам и скалам, и уступам, пахнувшим рыбой, где с плеском ныряет баклан, где море вгрызается в черные утесы и ревет громогласно.

И восстал Ульмо, и заговорил с Туором, и объял Туора смертельный ужас, ибо бесконечно глубок глас Ульмо; так же глубок, как взор его, глубже которого ничего нет в целом свете. И молвил Ульмо: «О Туор, одинокий сердцем, не угодно мне, чтобы ты навечно поселился в дивном краю птиц и цветов; и не повел бы я тебя через эту отрадную землю, но так было начертано. Но теперь ступай назначенным тебе путем и не мешкай, ибо далеко отсюда ждет тебя судьба твоя. Ныне должно тебе повсюду искать град народа, прозываемого гондотлим, или живущие в камне; нолдоли проводят тебя туда – тайно, ибо страшатся соглядатаев Мелько. Там вложу я слова в твои уста, и там поселишься ты до поры. Однако, может статься, жизнь твоя снова обратится к могучим водам; и всенепременно родится от тебя дитя, коему более всех прочих суждено узнать о бездонных глубинах, будь то море или небесная твердь».

* * *

Также Ульмо поведал отчасти Туору о своем замысле и желании; но в ту пору Туор мало что понял из услышанного и весьма уstraшилcя. Но вот Ульмо окутал туман, словно бы сотканный из морского воздуха в тех удаленных от моря местах, а Туор, в чьих ушах все еще звучала волшебная музыка, возмечтал возвратиться в край Великого моря; однако ж, памятуя о веле-нии Ульмо, поворотился и зашагал вдоль реки вглубь страны, и шел до рассвета. Однако ж тот, кто слышал раковины Ульмо, слышит их зов вплоть до самой смерти; так вышло и с Туором.

К рассвету Туор устал, и лег, и проспал почти до сумерек; и пришли нолдоли, и повели его дальше. Так Туор шел много дней – в сумерках и в темноте, а при свете солнца спал; вот поэтому впоследствии смутно помнил он тропы, по которым вели его. Туор и его провожатые все шагали и шагали без усталости; теперь повсюду вокруг высились холмистые гряды, и река петляла, огибая их подножия; и встречалось на пути множество долин, самых что ни есть отрад-ных, но здесь нолдоли почувствовали себя неудобно. «Вот, – сказали они, – границы тех земель, что Мелько заполоняет своими гоблинами, народом ненависти. Далеко на севере – и однако ж, увы, и за десять тысяч лиг отсюда было бы слишком близко! – высятся Горы Железа, оплот-мощи и ужаса Мелько, поработившего нас. Воистину, провожаем мы тебя втайне от него, и кабы прознал он о том, не избегли бы мы пытки балрогов».

И такой страх обуял нолдоли, что вскоре покинули они Туора, и далее побрел он через холмы один, и уход их обернулся впоследствии злом, ибо говорится, что «у Мелько множество глаз». Ведь пока Туор шел с номами, они вели его сумеречными путями и многими тайными туннелями сквозь холмы. Но теперь он заплутал и то и дело поднимался на вершины взгорьев и холмов, дабы оглядеть окрестности. Однако не видел он ни следа какого-либо жилья; и воис-тину, отыскать город гондотлим было куда как непросто, раз Мелько и его приспешники до сих пор его так и не обнаружили. Говорится, однако ж, будто в ту пору соглядатаи проводили, что в тамошних краях объявился чужак из народа людей, и Мелько удвоил хитрость и бдительность.

Когда же номы из малодушия бросили Туора одного, некто Воронвэ, или Бронвег, последовал за ним на расстоянии, невзирая на страх, когда даже укорами и попреками не удалось поднять дух остальным. А Туор к тому времени безмерно устал и присел у бегучего потока, и тоска по морю овладела его сердцем, и вновь вознамерился он вернуться по реке обратно к бес-крайним водам и ревущим волнам. Но верный Воронвэ опять нагнал его и, подойдя вплотную, тихо молвил: «О Туор, не сомневайся, что однажды ты вновь узришь желанное тебе; теперь

же восстань, и се! – я тебя не покину. Я не из тех нолдоли, что знают все дороги и тропы, я – мастер, и руки мои привыкли работать с деревом и металлом, потому поздно присоединился я к отряду провожатых. Но встарь, изнемогая в рабстве, слышал я, как тайком перешептываются и толкуют о некоем городе, где нолдоли смогут обрести свободу, если только отыщут сокрытый путь туда; и вдвоем мы всенепременно найдем дорогу в Град Камня, к свободным гондотлим».

А надобно вам знать, что гондотлим – это те нолдоли, что единственные спаслись из-под власти Мелько, когда в Битве Бессчетных Слез он истребил и поработил их народ, и опутал побежденных чарами, и вынудил жить в Преисподних Железа, откуда выходили они лишь по его воле и приказу.

Долго искали Туор и Воронвэ город сего народа, но вот, наконец, спустя много дней, набрали они на глубокую долину среди холмов. Здесь по каменистому руслу с шумом и грохотом неслась река, над которой нависали густые заросли ольхи; склоны той долины были отвесны, ибо далее начинались горы, Воронвэ неведомые. Там, в зеленой стене, ном обнаружил проход – словно бы гигантскую дверь со скошенными косяками, сокрытую в частом кустарнике и высоком непролазном подлеске, но острый взор Воронвэ обмануться не мог. Тем не менее говорится, будто такую магию сплели вокруг потайного туннеля его зодчие (с помощью Ульмо, чья мощь струилась в той реке, даже при том, что ужас Мелько поселился на берегах), что только тот, в чьих жилах текла кровь нолдоли, мог найти вход по чистой случайности; и Туор вовеки не сыскал бы его, если бы не преданность ному Воронвэ. Так надежно сокрыли свою обитель гондотлим из страха пред Мелько; однако ж все равно немало нолдоли похрабрее пробирались вниз по Сириону от тех гор; многих погубило зло Мелько, но многие, отыскав эту волшебную дверь, достигли наконец-то Града Камня и умножили его народ.

Весьма возликовали Туор и Воронвэ, обнаружив сии врата, однако ж, войдя внутрь, оказались в темном, петляющем, труднопроходимом туннеле, и долго брели, оступаясь, по каменным коридорам. Под сводами гуляло жуткое эхо; порою позади слышалась поступь бессчетных ног, так что Воронвэ убоился и молвил: «Это гоблины Мелько, горные орки».

И друзья обращались в бегство, спотыкаясь в кромешном мраке о камни, пока не поняли, что это всего лишь обманные мороки подземелий. Казалось, Туор с Воронвэ бесконечно долго в страхе пробирались вперед на ощупь, но вот наконец вдалеке забрезжил тусклый блик, и, устремившись на этот свет, достигли странники врат сродни тем, через которые вошли, но только нимало не заросших. И вышли они наружу, и солнце ненадолго ослепило их, но тут зычно загудел гонг, и послышался лязг оружия, и се! – окружили их закованные в сталь воины. Но вот в глазах у путников прояснилось, и подняли они взгляд: ло! – стояли они у подножия крутых холмов, широким кольцом обступивших обширную равнину, а на равнине, не в точности посреди, но скорее ближе к тому месту, куда выводили врата, высился громадный холм с плоской вершиной, а на вершине той в утреннем свете красовался город.

И заговорил Воронвэ со стражами гондотлим, и поняли воины его слова, ибо то было сладостное наречие номов. Затем нарушил молчание и Туор и спросил, где они и что за мужи в доспехах стоят вокруг, ибо в великом изумлении дивился он на доброе их оружие. И ответил ему один из воинов: «Мы несем стражу на выходе Пути Спасения. Возрадуйтесь же, что отыскали его, ибо вот перед вами Град Семи Имен, где обретают надежду все, кто борется с Мелько».

И произнес тогда Туор: «Что же это за имена?»

И ответил предводитель стражи: «Так говорится, и так поется: “Гондобар зовусь я и Гондотлимбар, Град Камня и Град Живущих в Камне, Гондолин, Камень Песни, и Гварэстрин именуюсь я, Башня Стражи, Гар Турион, или Потаенное Убежище, ибо сокрыт я от глаз Мелько; но те, кто любят меня великой любовью, зовут меня Лот, ибо я подобен цветку, я – Лотэнгриол, что цветет на равнине”. Однако ж, – добавил страж, – в обычной речи чаще именуем и называем мы город Гондолином». Тогда рек Воронвэ: «Отведи нас туда, ибо нам весьма

хотелось бы попасть внутрь», – и прибавил Туор, что всем сердцем жаждет пройти по улицам столь прекрасного города.

И отвечивший предводитель отряда, что самим им должно оставаться здесь, ибо до окончания месячного срока их стражи еще много дней, но Воронвэ с Туором вольны отправиться дальше, к Гондолину, более того, провожатый им не понадобится, ибо: «Ло, прекрасный сей город виден как на ладони: башни его пронзают небесный свод над Холмом Бдения посреди долины». И зашагали Туор с Воронвэ по равнине, на диво плоской и гладкой: тут и там среди зеленой травы попадались разве что круглые гладкие валуны, да озерца поблескивали в каменных чашах. Много красивых троп пролегло через ту равнину; путники шли не спеша и к вечеру достигли подножия Холма Бдения (что на языке нолдоли зовется Амон Гварет). И начали они подниматься по витым лестницам, что вели к городским вратам; никто не мог добраться до города иначе как пешим, на глазах у тех, кто наблюдал со стен. Когда же последний солнечный луч позолотил западные врата, взойшли Туор с Воронвэ на самый верх длинной лестницы; и взирая на них с бастioned и башен множество глаз.

А Туор глядел на каменные стены, и на вознесенные ввысь башни, и на блистающие шпили города; глядел на лестницы из камня и мрамора, с изящными балюстрадами, овеваемые прохладой – ибо на равнину от фонтанов холма Амон Гварет сбегали нити водопадов; и шел он, словно во власти грез, ниспосланной Богами, ибо не думал он и не гадал, что такое может привидеться человеку в снах, столь поразило его величие Гондолина.

Так дошли они до врат, Туор – в изумлении, а Воронвэ – в великой радости оттого, что, бросив вызов многим опасностям, он и Туора привел сюда по воле Ульмо, и сам навеки сбросил ярмо Мелько. И хотя ненависть Воронвэ меньше не стала, его уже не сковывал неодолимый страх пред Лукавым (и воистину, Мелько наводил на нолдоли чары бездонного ужаса, так что даже когда находились они далеко от Преисподних Железа, мнилось им, будто Моргот рядом, и трепетали сердца их, и не осмеливались бежать они, даже когда могли, и на это Мелько зачастую и полагался.)

И вот выходит из врат Гондолина толпа, и обступает, дивясь, этих двоих, ликуя, что еще один из числа нолдоли бежал сюда от Мелько, и изумляясь росту и могучей стати Туора, его тяжелому копы с наконечником из рыбьей кости и его огромной арфе. Был он суров и обветрен, с нечесаными кудрями, и облачен в медвежьи шкуры. И записано в книгах, будто в те времена отцы отцов людей были ниже, чем люди ныне, а дети Эльфинесса – выше, однако ж Туор превосходил ростом всех там собравшихся. Воистину не сутулились гондотлим, в отличие от иных своих злополучных родичей, что без отдыха трудились на Мелько в шахтах и у наковален; но были они изящны, и хрупки, и очень гибки, и легконоги, и дивно красивы; нежны и печальны – уста их, а в очах трепетала радость, готовая излиться слезами; ибо в те времена нолмы были изгнанниками в сердце своем, и томила их тоска по былому, древнему дому, и не гасла. Но судьба и неутолимая жажда знания некогда погнали их в дальние дали, и теперь Мелько взял их в осаду, и приходилось им обустривать здешнее свое обиталище с любовью и тщанием, дабы сделать его сколь возможно прекраснее.

Как так вышло, что люди путают нолдоли с орками, то есть гоблинами, я не ведаю: разве что некоторые нолдоли, искалеченные злобой Мелько, смешались с орками – а все это племя Мелько вывел из подземного жара и липкой грязи. Сердца их были из гранита, а тела изуродованы; безобразны неулыбчивые лица, а хохот подобен лязгу металла, и всего охотнее исполняли они самые гнусные замыслы Мелько. Непримируемая вражда царила между ними и нолдоли, кои именовали их *гламхот*, или народ лютой ненависти.

Се, вооруженные стражи врат оттеснили назад толпу, окружившую путников, и один из воинов заговорил и молвил: «То град дозора и стражи, Гондолин на холме Амон Гварет, где все, кто правдив сердцем, могут обрести свободу, но никто не свободен войти, не назвавшись. Скажите мне ваши имена». И назвалсЯ Воронвэ Бронвегом из рода нолмов, явившимся сюда

по воле Ульмо как провожатый сего сына людей; а Туор молвил: «Я – Туор, сын Пелега, сына Индора из дома Лебеда сынов людей Севера, что живут далеко отсюда, и пришел я сюда по воле Ульмо, владыки Внешних океанов».

Разом умолкли все, кто слушал, и зычный, раскатистый голос Туора всех поверг в изумление, ибо собственные голоса гондотлим были нежны, как плеск фонтанов. И поднялся над толпой гул: «Отведите его к королю».

На том толпа вернулась в пределы врат, и путники с нею, и увидел Туор, что сделаны створки из железа и весьма высоки и крепки. Широкие улицы Гондолина вымощены были камнем и по краю обрамлены мраморным бордюром; по пути тут и там встречались красивые домики в окружении дворов и садов с яркими цветами, и множество стройных и прекрасных башен, возведенных из белого мрамора и покрытых дивной резьбою, возносились к небесам. Были там и освещенные площади с фонтанами; здесь же гнездились птицы – и пели в ветвях вековых деревьев; а самой великолепной из всех была площадь, на которой стоял королевский дворец, и башня его вознеслась выше всех прочих в городе, и фонтаны, что играли у врат, взмывали вверх на двадцать фатомов и еще семь⁷ и низвергались вниз певучим хрустальным дождем: в их струях днем дивно искрилось солнце, а ночью волшебным мерцала луна. Жившие там птицы были белее снега, а голоса их – слаще, чем колыбельная музыка.

По обе стороны от дворцовых дверей высились два дерева, одно цвело золотыми цветами, другое – серебряными, и они не увядали и не меркли, ибо встарь взяты были побегами от прославленных деревьев Валинора, озарявших тамошние края, пока Мелько и Прядильщица Мглы их не иссушили: гондотлим называли те деревья Глингол и Бансиль.

И вот Тургон, король Гондолина, облаченный в белые одежды с золотым поясом и с гранатовым венцом на челе, встал у дверей и заговорил с вершины белокаменной лестницы, ведущей к ним: «Добро пожаловать, о человек из Земли Теней! Ло! – приход твой был предречен в наших книгах мудрости, и начертано в них, что многие великие деяния свершатся в жилищах гондотлим, когда придешь ты сюда».

И заговорил Туор, и Ульмо вложил могущество в его сердце и величие в его голос. «Се, о отец Града Камня, повелел мне тот, кто творит глубинную музыку в Бездне и кому ведомы помыслы эльфов и людей, сказать тебе, что дни Избавления близятся. Дошла до слуха Ульмо молва о твоём обиталище и о твоём холме бдения – заслоне противу зла Мелько, и возрадовался он; но сердце его негодует, и исполнены гнева сердца Валар, что восседают в горах Валинора и взирают на мир с вершины Таникветиль, при виде скорби прозябающих в рабстве нолдоли и скитаний людей; ибо Мелько запер их в Земле Теней за железными холмами. Потому привели меня сюда потайным путем, дабы повелеть тебе счесть войска твои и готовиться к битве, ибо время пришло».

И отвечивал Тургон: «Сего не сделаю, хотя бы повелели так Ульмо и все Валар. Не поведу я народ мой на ужасных орков и не стану подвергать опасности мой город, обрекая его пламени Мелько».

Тогда промолвил Туор: «Нет же, если ты сейчас не отважишься на великое деяние, тогда орки пребудут вечно и завладеют в конце концов почти что всеми горами земли и не перестанут тревожить как эльфов, так и людей, даже если впоследствии Валар сумеют вызволить нолдоли иными средствами; но ежели ныне доверишься ты Валар, то какой бы страшной ни была битва, орки будут повержены, и мощь Мелько умалится и сойдет на нет».

Но рек Тургон, что король Гондолина – он, и ничья воля не принудит его поступить вопреки своему решению и поставить под угрозу драгоценные труды многих минувших веков; но отвечивал Туор, ибо так наказал ему Ульмо, опасавшийся, что Тургон окажется несговорчив: «Тогда велено мне сказать, что народу гондотлим должно, не мешкая, скрытно отпра-

⁷ Около 50 м. – *Примеч. пер.*

виться вниз по реке Сирион к морю и там построить корабли, и плыть на поиски обратного пути в Валинор: ло! – тропы туда позабыты, и дороги изгладились и исчезли из мира, и моря и горы окружают его, однако ж и поныне живут там эльфы на холме Кор, и Боги восседают в Валиноре, хотя блаженство их умалили скорбь и страх пред Мелько, и прячут они свою землю, и ткнут вокруг нее недоступную магию, дабы никакое зло не подступило к ее берегам. Однако ж твои посланцы еще могут добраться туда и тронуть сердца Валар, дабы восстали они во гневе и сразили Мелько, и уничтожили Преисподние Железа, что устроил он под Горами Тьмы».

И отвечивал Тургон: «Всякий год по окончании зимы отправлялись посланцы спешно и скрытно вниз по реке, что зовется Сирион, к побережью Великого моря, и строили там корабли, и впрягали в них лебедей и чашек либо ветра с могучими крылами, и пытались доплыть за пределы луны и солнца в Валинор; однако тропы туда позабыты, и дороги изгладились и исчезли из мира, и моря и горы окружают его, а те, что пребывают там в блаженстве, мало задумываются об ужасе Мелько или о горестях мира, но прячут свою землю и ткнут вокруг нее недоступную магию, дабы никакие вести о зле не достигли их слуха. Нет, довольно моих подданных за бесчисленные годы уплыло в бескрайние морские просторы, чтобы никогда более не возвратиться; сгинули они в пучине или скитаются поныне, заплутав среди теней, где нет путей-дорог; с приходом следующего года никто не отправится более к морю, но лучше положимся мы на себя самих и на наш город, дабы защититься от Мелько, ибо прежде помощи от Валар было немного».

Тяжело сделалось на сердце у Туора, и зарыдал Воронвэ; и присел Туор у великолепного королевского фонтана, и плеск его струй напомнил Туору музыку волн, и душу его растревожили раковины Ульмо, и захотелось ему вернуться вниз по течению Сириона к морю. Но Тургон, зная, что Туор, пусть он и смертный, пользуется благоволением Валар, и приметив его решительный взгляд и могучий голос, послал к нему гонцов и пригласил остаться в Гондолине, в почете и чести у короля, поселившись хотя бы и в королевских чертогах, буде пожелает он того.

На это Туор ответил «да», ибо очень устал, а вокруг все радовало глаз; вот так вышло, что Туор поселился в Гондолине. Обо всех деяниях Туора среди гондотлим в преданиях не рассказывается, однако ж говорится, что много раз собирался он уйти оттуда украдкой, ибо уставал от шумных сборищ и думал о глухих лесах и пустошах и слышал издали морскую музыку Ульмо, однако родилась в его сердце любовь к деве из народа гондотлим, а была она дочерью короля.

Многие знания обрел Туор в том королевстве: наставлял его Воронвэ, коего полюбил он всей душой и который тако же души в нем не чаял; а еще обучали его искусные мастера города и королевские мудрецы. Тем самым обрел Туор мощь куда бо́льшую, нежели прежде, и советы его были исполнены мудрости; и понял он многое из того, что оставалось непонятым прежде, и узнал многое такое, что доселе неведомо смертным людям. Рассказали ему о граде Гондолин и о том, как многовековых трудов не достало, чтобы отстроить его и украсить, так что и по сей день шла работа; рассказали, как проложен был тот потайной туннель, что нарекли Путем Спасения, и как велись о том споры, однако ж жалость к поработанным нолдоли в конце концов возобладала и подземный ход все-таки построили; о недреманной страже поведали ему, что во всеоружии бдит у выхода из туннеля, а тако же в тех местах, где окружные горы не столь высоки; и о том, как часовые не смыкают глаз на самых высоких пиках этого хребта подле сложенных сигнальных костров, готовых вспыхнуть в любую минуту, ибо народ гондотлим не переставал ждать нападения орков, буде твердыню обнаружат.

Однако ж теперь стражу в холмах несли скорее по обычаю, нежели по необходимости, ибо гондотлим давным-давно ценой немыслимых усилий выровняли, и расчистили, и сгладили всю ту равнину вокруг Амон Гварета, так что ни ном, ни птица, ни зверь, ни змея не могли приблизиться незамеченными, но бывали обнаружены за много лиг, ведь среди гондотлим мно-

гие обладали взором еще более острым, нежели ястребы Манвэ Сулимо, Владыки Богов и эльфов, что обитает на Таникветили; вот почему нарекли ту долину Тумладеном, или сглаженной долиной. Ныне же сей великий труд, мнилось, был закончен, и гондотлим больше занимались тем, что отыскивали и добывали металлы и ковали всевозможные мечи и топоры, копья и гви-зармы, и мастерили кольчуги, панцири и брони, поножи и наручи, шлемы и щиты. И говорили Туору, что даже если весь народ Гондолина станет стрелять из луков не переставая, денно и нощно, то не изведет всего своего запаса стрел и за много лет, и потому с каждым годом все меньше страха внушают им орки.

Там научился Туор строить из камня и класть кирпичи, рубить и обтесывать горную породу и мрамор; постиг искусства ткачества и прядения, вышивания и живописи, и мастерство работы с металлами. Услышал он там нежнейшие мелодии: в музыке же были наиболее искушены те, кто жил в южной части города, ибо там играло бесчисленное множество говорливых фонтанов и родников. Многие эти премудрости перенял Туор и стал вплетать их в свои песни, на диво и на великую радость тем, кто внимал ему. Диковинные истории о Солнце, и Луне, и Звездах, об устройстве Земли и о веществах, из коих состоит она, и о бездне небесной рассказывали ему; и тайные письма эльфов узнал он, и наречия их, и древние языки, и услышал он об Илуватаре, Владыке Во Веки Веков, что обитает за пределами мира; и о великой музыке Айнур у ног Илуватара в бездонных глубинах времени: в ней же создан был мир, и его обустройство, и все, что есть в мире, и весь миропорядок.

Благодаря своему мастерству и глубоким познаниям во всех искусствах и ремеслах, а также благодаря великой доблести духа и тела стал Туор утешением и поддержкой для короля, у коего не было сыновей, и полюбил его весь народ Гондолина. Со временем повелел король своим самым умелым оружейникам изготовить в дар Туору великолепный доспех, и отковали его из номской стали, и отделали серебряными накладками; а шлем украсили словно бы двумя лебедиными крыльями из разных металлов и драгоценных камней, по одному с каждой стороны; лебединое крыло изображено было и на его щите; но мечу предпочитал он боевой топор и на наречии гондотлим назвал его Драмборлег, ибо удар его оглушал, а лезвие пробивало любой доспех.

Дом Туору выстроили на южной стене, ибо любил он вольный воздух, и не нравилось ему тесное соседство других жилищ. Отрадно ему было выходить к зубцам и бойницам на рассвете, и радовался народ, видя, как лучи зари играют на крылах его шлема – и многие роптали и охотно поддержали бы его и выступили на битву с орками, ведь речи этих двоих, Туора и Тургона, перед дворцом, известны были многим; но далее дело не пошло, ибо все почитали Тургона, и еще потому, что в ту пору в сердце Туора память о словах Ульмо словно бы потускнела и померкла.

* * *

И вот прожил Туор среди гондотлим много лет. Давно пробудилась в нем любовь к дочери короля, долго росла и крепла, и теперь сердце его переполнилось этой любовью. Великую любовь питала и Идриль к Туору, и пряди их судеб переплелись с того самого дня, когда впервые поглядела она на него из высокого окна – как стоял он измученным просителем перед королевским дворцом. Не было причин у Тургона противиться этой любви, ибо видел он в Туоре родича, в коем обретет он утешение и великую надежду. Так впервые сын людей взял в жены дочь Эльфинесса, и не последним был Туор. Немногие изведали такое блаженство, как эти двое, но и скорбь их под конец была велика. Однако великое веселье царило в ту пору, когда Идриль и Туор сочетались браком пред всем народом на площади Богов, Гар Айнион, близ королевских чертогов. Днем ликования стала эта свадьба для города Гондолина и днем величайшего счастья – для Туора с Идрилью. После того зажили они в радости в том самом

доме на стене, что выходила на южную сторону Тумладена, и все сердца в городе были тем весьма довольны, кроме одного только Меглина. А надо сказать, что сей ном принадлежал к древнему роду, пусть ныне и немногочисленному; а сам приходился королю племянником по матери, сестре короля Исфин; но этой повести здесь не место.

В гербе у Меглина был черный Крот; и весьма возвысился Меглин среди горняков, и возглавлял рудокопов, многие из которых принадлежали к его дому. Был он не так красив, как большинство его пригожих соплеменников, темнолиц, и нравом обладал отнюдь не мягким, так что не слишком его жаловали; ходили слухи, будто в жилах его течет орочья кровь, но не знаю я, как такое возможно. Он часто просил у короля руки Идрили, но Тургон, видя, что ей он противен, столь же часто отвечал «нет», ибо казалось ему, что сватовство Меглина столь же подсказано стремлением обрести немалую власть подле королевского трона, сколь и любовью к прекрасной деве. Воистину прекрасна была Идриль и притом отважна; в народе же называли ее Идриль Среброногая, ибо она, даже будучи королевской дочерью, всегда ходила босиком и простоволосая, кроме как на торжествах в честь Айнура; и Меглин, видя, что оттеснил его Туор, скрежетал зубами от гнева.

В те дни исполнился срок желания Валар и надежды эльдалиэ, ибо в великой любви родила Идриль Туору сына, и назвали его Эаренделем. Имя это толкуется среди эльфов и людей по-разному, но, может статься, составлено оно на каком-нибудь тайном языке гондотлим, который сгинул вместе с ними с лица Земли.

Тот младенец наделен был великой красотой; кожа его сияла белизной, а глаза его, синее сапфиров на одеянии Манвэ, синевой затмевали небеса южных земель; при его рождении обуяла Меглина лютая зависть, но воистину велика была радость Тургона и всего народа.

Се – много лет минуло с тех пор, как Туор заплутал в предгорьях, брошенный нолдоли; однако ж много лет минуло и с той поры, как слуха Мелько впервые достигли странные вести – пусть смутные и противоречивые, – о том, что среди долин полноводного Сириона скитается некий человек. А надо сказать, что Мелько не слишком опасался народа людей в те дни своей великой мощи, и по этой самой причине Ульмо для исполнения своих замыслов избрал человека, дабы успешнее обмануть бдительность Мелько, ибо видел, что никто из Валар и едва ли кто-либо из эльдар или нолдоли может предпринять хоть что-либо втайне от Врага. Однако ж при этом известии в злобном сердце Мелько пробудилось дурное предчувствие, и собрал он могучее воинство соглядатаев: сыны орков были там, с желтыми и зелеными глазами, как у кошек, что пронзают любой сумрак и способны видеть сквозь туман, и хмарь, и ночную тьму; и змеи, которые проползут всюду и обыщут все расщелины, и глубочайшие ямы, и высочайшие пики, и уловят любой шепот, что шелестит в траве или эхом разносится в холмах; волки были там и хищные псы, и гигантские кровожадные ласки: нос их может учуять запах многомесячной давности даже в текучей воде, а глаза их высмотрят на гальке след, оставленный поколением назад; прилетели совы и соколы, острым взором способные высмотреть днем ли, ночью ли порхающую малую птаху в любых лесах мира; мышь, полевку или крысу, что крадется или живет где-либо на Земле. Всех их призвал Мелько в свой Чертог Железа, и приспели они в великом множестве. Оттуда Мелько разослал их по свету – выслеживать человека, бежавшего из Земли Тени, но еще более пытливо и неотступно отыскивать жилища нолдоли, что бежали из-под его ярма, ибо таковых Мелько всем сердцем жаждал истребить или поработить.

И вот, пока Туор счастливо жил в Гондолине, многожды умножая свои познания и мощь, эти твари годами неумоимо разнюхивали среди камней и скал, обшаривали леса и пустоши, оглядывали небесные высоты и горные вершины, прочесывали все тропы вокруг долин и равнин, не отступаясь и не сдаваясь. С этой охоты принесли они Мелько вестей в изобилии – воистину, среди множества всего сокрытого, что обнаружили они, отыскиали они тот самый «Путь Спасения», через который Туор с Воронвэ попали в долину. А удалось им это лишь потому, что принудили они менее стойких нолдоли, грозя им страшными пытками, примкнуть

к сим великим розыскам; ибо благодаря магии врат никто из слуг Мелько не мог найти их без помощи номов. Однако теперь соглядатаи проникли далеко вглубь туннелей и захватили многих нолдоли, пробирающихся туда в надежде бежать из неволи. И поднимались недруги на Окружные холмы там и тут и глядели с высоты на красоту града Гондолина и на мощь холма Амон Гварет, но на саму равнину попасть не могли, ибо стражи были бдительны, а горы – непроходимы. Воистину, лучники гондотлим славились своим искусством и луки мастерили на диво мощные. Из тех луков могли они послать стрелу в небеса в семь раз дальше, нежели лучший стрелок из числа людей – в цель на земле; и не позволяли они ни соколу подолгу парить над равниной, ни змее заползти туда, ибо не жаловали они хищных тварей, отродий Мелько.



Тургон усиливает стражу

«...и повелел король повсеместно утроить дозор и стражу...»

И вот Эаренделю исполнился год, когда в город дошли злые вести о соглядатаях Мелько и о том, что со всех сторон обложили они долину Тумладен. И удручилось сердце Тургона, и вспомнил он слова Туора, произнесенные много лет назад перед дворцовыми дверьми, и повелел король повсеместно утроить дозор и стражу, а мастерам своим – измыслить боевые машины и установить их на холме. Ядовитое пламя разных видов и горячие жидкости, стрелы и громадные камни приготовился он обрушить на любого, кто атакует эти лучезарные стены, и тем вполне удовлетворялся, а вот на сердце у Туора было тяжелее, чем у короля, ибо теперь слова Ульмо то и дело воскресали в его памяти, а их смысл и важность понимал он глубже, нежели прежде; не обретал он утешения и у Идрили, ибо сердце ее наполнили предчувствия еще более мрачные.

Узнайте же, что Идриль обладала великой властью прозревать мыслью тьму сердец эльфов и людей, и сокрытое во мраке будущее – глубже, нежели обыкновенно дано родам эльдалиэ. Потому однажды так сказала она Туору: «Знай, о муж мой, что сердце мое предвещает недоброе, ибо сомневается в Меглине, и боязно мне, что навлечет он беду на сие прекрасное королевство, хотя как и когда – я разглядеть не в силах; однако ж страшусь я, что все, что он знает о наших делах и приготовлениях, каким-то образом станет известно Врагу, и тот измыслит новый способ изничтожить нас, противу которого не придумали мы защиты. Ло! Однажды ночью приснилось мне, что Меглин построил пещь огненную, и напал на нас врасплох, и швырнул туда Эаренделя, наше малое дитя, а после того хотел втолкнуть и нас с тобою; я же, скорбя о смерти нашего милого сына, не стала и противиться».

И отвечал Туор: «Страх твой – не без причины, ибо и у меня душа не лежит к Меглину, однако он – племянник короля и твой двоюродный брат, и не выдвинуто противу него обвинений, и не вижу я, что еще можно сделать, кроме как выждать и бдеть».

Но отвечала Идриль: «Вот каков мой совет: разузнай доподлинно, кто из горняков и рудознатцев менее всех любит Меглина по причине надменного и высокомерного обхождения его, и созови их втайне. Из них выбери самых надежных и приставь их следить за Меглином всякий раз, когда он уходит во внешние холмы; а большинству тех, на чью скрытность ты можешь положиться, должно тебе поручить секретные земляные работы и с их помощью проложить – сколь бы ни был осторожен и нескор сей труд, – потайной проход отсюда, от твоего дома, под скалой сего холма, в долину внизу. Вот только вести он должен не в сторону Пути Спасения, ибо сердце подсказывает мне не доверяться ему, а к Расселине Орлов – к тому далекому перевалу в южных горах; и чем дальше этот туннель пройдет туда под равниной, тем оно лучше, скажу я, – однако ж пусть о тех работах знают лишь немногие».

А надо сказать, что в земляных работах каменоломы и горняки нолдоли не знают себе равных (и Мелько о том ведомо), но в тех местах земля крайне тверда, и рек Туор: «Скала холма Амон Гварет – что железо, пробить ее можно лишь с превеликим трудом; а ежели трудиться втайне, должно прибавить к тому очень много времени и терпения; но камень ложа Долины Тумладен – что кованая сталь, и невозможно прорубить его без познаний гондотлим, кроме как за месяцы и годы».

И отвечала Идриль: «Может статься, и так, но таков мой совет, и есть еще время». И отвечал Туор, что, возможно, не до конца понимает его суть, «но “любой план лучше беспомощности”, и я сделаю так, как ты говоришь».

И вышло так, что вскорости после того Меглин один ушел в холмы искать руду и заплутал среди гор, и схватили его рыскающие там орки, и обошлись бы с пленником со всей жестокостью и беспощадностью, зная, что он – из числа жителей Гондолина. И не проведали о том соглядатаи Туора. Но пробудилось в сердце Меглина зло, и сказал он недругам: «Узнайте же,

что я – Меглин, сын Эола, который был женат на Исфин, сестре Тургона, короля гондотлим». Но отвечали орки: «Нам-то что до того?» И рек Меглин: «Вот что вам до того: ежели вы убьете меня, быстро либо медленно, не узнаете вы ценных сведений касательно града Гондолина, коим весьма порадовался бы господин ваш». Тогда орки не стали чинить ему вреда и пообещали, что подарят ему жизнь, если то, что он им откроет, того стоит; и Меглин все рассказал про обустройство той равнины и города, про его стены, их высоту и толщину, и крепость врат; об армии доспешных воинов, кои ныне повинуются Тургону, говорил он, и о бесчисленных запасах оружия, для них заготовленного, о боевых машинах и о ядовитых огнях.

Тут разъярились орки и, дослушав до конца, собрались уже было все равно убить пленника тут же на месте, раз он бессовестно преувеличил мощь своего жалкого народишки в насмешку над великим могуществом и властью Мелько; но Меглин, хватаясь за соломинку, молвил: «Не думаете ли вы, что доставите немалое удовольствие своему господину, бросив к его ногам столь благородного пленника, дабы он сам выслушал мои вести и оценил их истинность?»

Оркам это пришлось по душе, и возвратились они с гор окрест Гондолина в Холмы Железа и в темные чертоги Мелько; туда приволокли они и Меглина, и вот теперь он испугался не на шутку. Когда же преклонил он колена пред черным престолом Мелько, в ужасе при виде мрачных теней повсюду вокруг, и волков, что сидели под тронем, и гадюк, обвившихся вокруг ножек трона, Мелько повелел пленнику говорить. И пересказал ему Меглин свои вести, и Мелько, внимая, обращался к нему весьма учтиво, так что к пленнику в изрядной степени вернулась его заносчивость.

А закончилось все тем, что Мелько, с помощью Меглиновой хитрости, измыслил план, как ниспровергнуть Гондолин. В награду Меглина обещали поставить полководцем над орками – однако ж в сердце своем Мелько вовсе не собирался сдержать слово; а Туора с Эаренделем Мелько вознамерился сжечь, а Идриль бросить в объятия Меглина – вот такие посулы злодей был преохотно готов выполнять. Однако ж в случае предательства Мелько пригрозил Меглину пыткой балрогов. Эти демоны с огненными бичами и стальными когтями истязали тех нолдоли, что смели противостать Мелько хоть в чем-либо – эльдар же звали их малкарауки. И вот какой совет Меглин дал Мелько: целое войско орков либо балрогов при всей их свирепости не может и надеяться штурмом или осадой сокрушить когда-либо стены и врата Гондолина, даже если сумеет прорваться в пределы равнины. Потому надомил он Мелько измыслить с помощью своего чародейства подмогу для атакующих воинов. Подсказал Меглин Врагу из его неисчислимых запасов металлов с помощью своей власти над огнем сработать чудищ, подобных змиям и драконам неодолимой мощи, которые смогут переползти через Окружные холмы и выплеснут на равнину и на дивный город пламя и смерть.

Тогда Меглину велено было возвращаться домой, чтобы за время его отсутствия гондотлим не заподозрили неладного; но Мелько оплел его чарами бездонного ужаса, и впредь сердце Меглина не знало ни покоя, ни радости. Однако ж надел он благостную маску доброго расположения и веселости, так что говорили в городе: «Меглин смягчился нравом», и менее неприязненно относились к нему; однако ж тем больше страшилась его Идриль. Теперь Меглин говорил: «Я много потрудился, и хочется мне отдохнуть и приобщиться к танцам, и песням, и всеобщему ликованию»; и более не уходил он в холмы добывать камень и руду; однако ж на самом деле пытался он тем самым заглушить свой страх и беспокойство. Ужас владел Меглином: мерещилось ему, будто Мелько все время рядом, ибо так действовало заклятие; и не уходил он более в копи, опасаясь, что опять натолкнется на орков и снова окажется ввергнут в жуткие чертоги тьмы.

И вот идут года, и, побуждаемый Идрилью, Туор неустанно трудится, углубляя тайный подземный ход; но видя, что кольцо соглядатаев поредело, Тургон забывает отчасти о своих тревогах и опасениях. Однако на протяжении всех этих лет у Мелько непрестанно кипит

работа, и все рабы-нолдоли вынуждены без устали добывать руду, пока Мелько измышляет огни и призывает пламена и дымы из раскаленных глубин, и не позволяет он никому из нолдоли хотя бы на шаг удалиться от узилищ. Затем в свой срок собрал Мелько всех своих самых искусных кузнецов и чародеев, и из железа и пламени сработали они целые полчища чудищ, подобных коим не видывали доселе и не увидят более вплоть до Великого Завершения. Одни целиком состояли из железных звеньев, да так искусно соединенных, что твари эти струились, словно медленные реки металла, обтекая любое препятствие вокруг или поверх, а в нутре их, в самой глубине, таились самые свирепые орки со скимитарами и копьями; другие были из бронзы и меди, и вложили в них сердце и дух из пылающего огня, и испепеляли они, жутко пыхтя и всхрапывая, всех, кто стоял у них на пути, и затапывали все то, что уцелело в жару их дыхания; были там и существа из чистого пламени, извивающиеся, точно вервие из расплавленного металла: они изничтожали все, к чему приближались, и железо, и камень таяли перед ними и становились что вода, а верхом на них сотнями ехали балроги, самые грозные из всех чудищ, коих Мелько измыслил на беду Гондолину.

Между тем со времен предательства Меглина минуло седьмое лето, Эарендель же был еще совсем юн годами, хотя и отважен сердцем, и Мелько отозвал всех своих соглядатаев, ибо теперь каждая тропа и каждый уголок в горах были ему известны; но гондотлим в беспечности своей решили, что Мелько не ищет их более, ибо осознал их мощь и неприступность их обиталища.

Но Идриль помрачнела, и затмился свет в лице ее, и многие тому дивились; однако ж Тургон убавил дозоры и стражу до былой численности и даже менее того, и настала осень, и сбор плодов завершился, и все сердца возрадовались в преддверии зимних пиров, но Туор стоял на зубчатой стене и глядел вдаль, на Окружные холмы.

И се, подошла Идриль и встала рядом с ним; ветер взвихрил ей волосы, и показалась она Туору немыслимо прекрасной, и наклонился он поцеловать жену; но в лице Идрили была печаль, и молвила она: «Настали дни, когда должно тебе сделать выбор», – и Туор не понял ее слов. Тогда, уведя мужа в дом, поведала она ему, как сжимается у нее сердце от страха за Эаренделя, их сына, предвещая: грядет некое великое зло, и стоит за ним – Мелько. Туор попытался утешить ее, но не смог; она же расспросила мужа о постройке потайного туннеля, и рассказал Туор, что подземный ход протянулся под равниной уже на целую лигу, и при этих словах на сердце у Идрили сделалось чуть легче. Но по-прежнему настаивала она, чтобы туннель продолжали прокладывать дальше, и что отныне быстрота важнее скрытности, «ибо час близок». И еще один совет дала Идриль Туору, каковой он также принял, – отобрать со всей осмотрительностью храбрейших и надежнейших из числа знати и воинов Гондолина и рассказать им об этом подземном туннеле и о том, где он выходит на поверхность. Из них наказала она Туору составить доблестный отряд и даровать им право носить свой герб в знак того, что они – его дружина, под тем предлогом, что так оно пристало и подобает великому владыке и родичу короля. «Более того, – сказала Идриль, – я испрошу на это одобрения моего отца». А еще она втайне нашептывала жителям, что, если город окажется в смертельной опасности и погибнет Тургон, пусть все соберутся вокруг Туора и ее сына, и на это со смехом отвечали «да», добавляя, однако, что Гондолин простоят так же долго, как Таникветиль или горы Валинора.

С Тургоном Идриль открыто не заговаривала и, как бы Туор того ни хотел, не позволяла и ему, невзирая на всю их любовь и почтение к королю великому, благородному и славному, – ибо видела, что Тургон доверяет Меглину и со слепым упрямством убежден в неприступной мощи города и в том, что Мелько более не тщится повредить ему, сочтя это делом безнадежным. В том короля неизменно укрепляли Меглиновы лукавые речи. А надобно вам знать, что коварство этого нома не имело себе равных, ибо многое вершил он во тьме, так что говорили в народе: «Сколь уместен в его гербе черный крот»; и по причине неразумия некоторых каме-

ноломов, а еще более – по обмолвкам иных Меглиновых родичей, с которыми неосмотрительно переговорил Туор, Меглин прознал о тайных работах и в ответ измыслил собственный план.

Зима между тем стояла в разгаре: а выдалась она очень холодной для тех краев, над долиной Тумладен ударили морозы, и озера затянуло льдом; однако ж на холме Амон Гварет по-прежнему играли фонтаны, и цвели два дерева, и веселились жители, пока не настал день ужаса, до поры сокрытый в сердце Мелько.

И минула лютая зима: в Окружных горах снега лежали глубже, чем когда-либо, но в свой срок дивной красоты весна растопила подола этих белых мантий, и долина наполнилась воды, и повсюду расцвели цветы. Так пришел и минул праздник Ност-на-Лотион, или Рождение Цветов, и всласть повеселились дети; и гондотлим воспряли сердцем в преддверии благодатного года; и вот, наконец, близится великое празднество Тарнин Ауста, или Врата Лета. Ибо узнайте, что по заведенному обычаю однажды в полночь начиналась торжественная церемония – и продолжалась вплоть до рассвета дня Тарнин Ауста, и ни один голос не раздавался в городе от полуночи до первого луча солнца, а зарю приветствовали древними песнями. Испокон века так славили музыкой приход лета хоры, выстроившись на мерцающей восточной стене. И вот наступает та самая ночь бдения, и в городе повсюду вспыхивают серебряные фонарики, а в рощах среди молодой листвы покачиваются огоньки оттенков драгоценных камней, и по улицам струится негромкая музыка, но до восхода никто не поет.

Солнце уже опустилось за холмы, и народ в радостном предвкушении облачается в праздничные одежды, с нетерпением поглядывая на Восток. Ло! – когда сокрылась солнечная дева и воцарилась тьма, внезапно забрезжил новый свет – замерцало зарево, но за северными высотами, и дивились тому жители, и на стенах и бастионах собрались бесчисленные толпы. Но удивление сменилось опасением, а свет между тем разгорался и алел все ярче, и опасение сменилось ужасом, когда увидели, как снега на вершинах гор словно бы окрасились кровью. Так огнедышащие змии Мелько подступили к Гондолину.

И проскакали через равнину верховые всадники и, запыхавшись, привезли вести от тех, кто нес стражу на вершинах; и сообщили они об огненных полчищах и о тварях сродни драконам, и сказали: «Мелько идет на нас». Великий страх и горе объяли дивный сей город, а на улицах и проулках слышались рыдания женщин и детский плач, а на площадях собирались бойцы и звенело оружие. Развевались там сверкающие знамена всех знатных домов и родов гондотлим. Могучее воинство королевского дома облачено было в белый, и золотой, и красный цвета, а в гербе у ратников были луна и солнце, и алое сердце. Среди них возвышался Туор, ростом превосходивший всех прочих; сияла его серебряная кольчуга; а повсюду вокруг него теснились самые доблестные воины. Ло! Их шлемы были украшены крыльями словно бы лебедей или чаек, а на щитах начертан знак Белого Крыла. Здесь же выстроился народ Меглина: все в черных доспехах без какого-либо герба или знака; их круглые стальные шлемы были обтянуты кротовым мехом, и сражались они двуглавыми секирами, сродни киркомотыгам. Там Меглин, принц Гондобара, собрал вокруг себя множество ратников, мрачных видом и хмурых; красноватый отблеск играл на их лицах и мерцал на начищенной броне. Се, все холмы к северу запылали пламенем: казалось, будто реки огня стекают вниз по склонам, уводящим к равнине Тумладен, и жители города уже ощущали палящий жар.

Собрались там и множество других родов, дом Ласточки и дом Небесной Арки; а среди них насчитывалось больше всего лучников, и самые лучшие стрелки были из их числа; и выстроились они в боевом порядке на широких площадках вдоль стен. Народ Ласточки украшал шлемы гребнями из перьев, а одевался в белое, и синее, и пурпурное, и черное, а на щитах у них был изображен наконечник стрелы. Во главе их стоял Дуилин: бегал и прыгал он быстрее всех прочих и точнее всех лучников бил в цель. А народ Небесной Арки, обладавший бесчисленными богатствами, одевался в многоцветье ярких оттенков; их инкрустированное драгоценными камнями оружие полыхало и вспыхивало в зареве, разлитом ныне по всему небу. Все

до одного щиты в сей дружине словно бы вобрали в себя синеву небес, а умбоны составлены были из семи самоцветов: рубинов, аметистов и сапфиров, изумрудов, хризопразов, топазов и янтаря; а на шлемах лучилось по огромному опалу. Возглавлял сей дом Эгалмот; носил он синий плащ, по которому хрусталими были вышиты звезды; вооружился он изогнутым мечом – никто более среди нолдоли таких не носил, – однако ж полагался он скорее на лук и стрелял из него дальше любого другого в этом воинстве.

Были там и дом Столпа, и дом Снежной Башни; повелевал обоими народами Пенлод, самый высокий из номов. Были там и номы Древа, дом многочисленный и славный; одевались они в зеленое. Вооружились эти воины окованными железом палицами и пращами, а владыка их Галдор почитался самым отважным из всех гондотлим, после одного только Тургона. Тут же построился и дом Златого Цветка, с лучистым солнцем в гербе; глава дома Глорфиндель носил плащ, так густо расшитый золотыми нитями, что всю ткань испещрило узорочье чистотелов, точно поле по весне, а оружие его было покрыто прихотливой золотой насечкой.

Из южной части города явился народ Фонтана под началом Эктелиона; эти номы души не чаяли в бриллиантах и серебре; а вооружены были на диво длинными, блестящими и светлыми мечами, и в битву шли под музыку флейт. За ними шло воинство дома Арфы, все – храбрые бойцы, вот только предводитель их, Салгант, был труслив и заискивал перед Меглином. Они украшали одежды серебряными и золотыми кистями, и в гербе их на черном поле сияла серебряная арфа; а у Салганта – золотая; он единственный из всех сынов гондотлим ехал на битву верхом, и был весьма грузен и приземист.

А последнюю из дружин выставил дом Молота Гнева: к нему принадлежали многие лучшие кузнецы и мастера, и весь этот род почитал Аулэ-Кузнеца более всех прочих Айнури. Эти воины сражались громадными булавами, сродни молотам; щиты их были весьма тяжелы, ибо руки бойцов обладали недюжинной силой. В древние дни ряды их во множестве пополнили нолдоли, бежавшие из копей Мелько, и ненависть этого дома к деяниям злодея и к демонам его, балрогам, не имела предела. Возглавлял их Рог, самый могучий из номов, в доблести едва ли уступавший Галдору из дома Древа. В гербе этих номов была Звенящая Наковальня, и молот, высекающий из нее искры, красовался на щитах их; более всего любили они червонное золото и черное железо. В сем воинстве, весьма многочисленном, не нашлось ни одного малодушного, и стяжали они величайшую славу среди всех этих благородных домов в борьбе с роком; однако ж злая судьба им выпала, и никто из них не ушел с того поля боя, но все пали рядом с Рогом и сгнули с лица земли, а вместе с ними навеки сгнули немалые умения и мастерство.

Вот таковы были построение и вооружение одиннадцати домов гондотлим, с их гербами и знаками, а дружина Туора, народ Крыла, почиталась двенадцатым. И вот мрачнеет лик их вождя, и не надеется он выжить – а в его доме на стене Идриль облачается в кольчугу и приходит к Эаренделю. А дитя в слезах, ибо по стенам его спальни металась зловещие красные отблески; и вспомнились ему страшные сказки про огненного Мелько, что нянюшка Мелет складывала для него, когда мальчуган своенравничал. Но тут подросла мать и надела на него маленькую кольчужку, кою велела изготовить для сына втайне; и тот весьма обрадовался и возгордился, и ликующе закричал. А Идриль расплакалась, ибо дороги были ее сердцу прекрасный город и милый дом, обитель их с Туором любви; а теперь видела она, что вот-вот все будет уничтожено, и страшилась, что ее замысел потерпит крах пред неодолимой мощью чудовищных змиев.

А до полуночи оставалось еще четыре часа, и на севере небеса полыхали алым, и на востоке, и на западе: железные змии уже достигли равнины Тумладен, а огненные твари добрались до нижних склонов, так что схвачены были дозорные, и подвергли их лютым пыткам балроги, кои рыскали повсюду, кроме как на крайнем юге, где находился перевал Кристорн, Орлиная расселина.

И вот созвал король Тургон совет, и пришли туда Туор и Меглин как принцы королевского рода; и Дуилин с Эгалмотом и Пенлодом Высоким; явился и Рог вместе с Галдором из дома Древа, и златым Глорфинделем, и Эктелионом, чей голос подоился музыке. Пришел туда и Салгант, насмерть перепуганный известиями; и другие благородные номы, возможно, не столь знатного рода, но более мужественные сердцем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.